
ПРОЗА: АНТОЛОГИЯ РАССКАЗА

Анна Лео
(г. Москва)

КАТАЛИЗАТОР

Анна Владимировна Лео впервые публикуется в «Приокских Звездах». Прозаик, регулярно печатается в альманахе (журнале) «Московский Парнас»; член одноименного Творческого клуба. Член Союза писателей России.

1

Жара, словно коконом, окутала город, лишив того возможности дышать легко и свободно. В сизой пелене бензиновых паров, медленно двигался поток раскаленных на солнце машин. Толпы потных граждан сновали вдоль расплавившегося асфальта. Не спасало от жары и метро, где от «душного» отсутствия кондиционеров, пребывание человека под землей, становилось еще более удручающим.

А тут еще, как всегда, не к месту, кто-то из граждан устроил в такое засушливое время пикник в лесу. И как говорилось раньше в одном из легендарных призывов, что: «из искры возгорится пламя», то так оно и случилось.

Загорелись торфяные болота. И теперь ветер приносил в город не освежающую прохладу, а едкий дым и запах горелого торфяника. И все «это» вместе взятое покрывало город серым налетом пыли, гари и людского раздражения.

Следователь по особо важным делам в отделе по угону машин, майор Иван Степанович Королев, усталым взглядом смотрел на лопасти допотопного вентилятора, добросовестно пытавшегося охладить лицо пожилому мужчине.

Иван Степанович только-только отошел от окна. Он хотел было сделать замечание своему водителю Сашке. Тот, сидя в дежурной машине, как «последний паразит» со всей громкостью гонял стрелку магнитолы по всем радиостанциям, но передумал.

Лень было даже разговаривать, а не то что оперативно думать. А тут еще от духоты, которая поселилась в его кабинете (он был ярким противником всей этой кондиционерной техники), думать вообще не хотелось, а думать надо было и чем быстрее, тем лучше.

Оставалась всего неделя до того дня, когда майор Королев должен был покинуть этот «разложившейся» от жары город и отправиться туда, где простиралась его скромные дачные владения, и где неподалеку от границ этой собственности, журчала маленькая речушка.

Там в ее живительном, речном мелководье, нежились пескарики, окуньки и другая «мелочь», но для Ивана Степановича размер улова не имел никакого значения. Он не очень любил речную рыбу, но сам процесс ловли наполнял его душу покоем и забытым ощущением «первобытного» счастья добытчика пропитания. Ведь после рыбалки, ему было в удовольствие смотреть на то, с каким восторгом поедает «добычу» поселковый кот по кличке Гришка. А теперь может стать так, что нескоро он увидит не только кота Гришку, но и отпуска, как такового.

А дело было вот в чем.

Три дня назад к нему поступили два заявления от жильцов проживающих по улице Тургенева, дом 23. В заявлениях речь шла об угнанных автомобилях.

У одного, предпринимателя Кузина, это была машина марки «Гольф» 1993 года выпуска, а у второго, пенсионера Федотова, наша родимая «копейка», которая при этом уже была «не на ходу» лет эдак пять. Стояли машины прямо у дверей подъезда граждан, можно сказать прямо под носом, и как они исчезли, никто ничего не видел и ничего не слышал. Да и по большому счету, кому эта рухлядь вообще могла понадобиться, одному Богу было известно. Но частная собственность есть частная собственность, никуда от этого не деться и дело пришлось взять в производство.

Поэтому решив, что случай этот пустяковый, начальство и поручило Ивану Степановичу по быстрому разобраться в чем там дело. Ведь, не нагружать же человека перед уходом в отпуск серьезным случаем и так еще нераскрытых дел хватает.

Первым делом грешили на эвакуаторские службы, но те очень даже оперативно представили все документы, в которых говорилось об отсутствии данных машин у них на стоянках.

А во-вторых... здесь Иван Степанович вздохнул. Во-вторых ничего понять было невозможно.

Дверь открылась, и в комнату вошли сначала длинные ноги в невероятно короткой юбке, а за ними появилась и вся обладательница сего великолепия, лейтенант Светлана Копылова, с бумагами в руках.

— Здравствуйте, Иван Степанович.

Тот опять вздохнул, услышав данное приветствие.

Сколько он ни пытался приучить лейтенанта обращаться по уставу, как положено, все было безрезультатно. Светка царила в их следственном управлении на правах первой красавицы и невесты откуда взявшегося поверья, что она один из ценнейших и перспективных молодых работников нашей милиции.

На первых порах майор Королев, глядя в лицо младшего сотрудника, никак не мог понять, о чем девушка думает, так как всегда выражение ее миловидного личика было отстраненно-равнодушным. Но, проработав с ней полгода, он понял. Та находилась всегда в одинаковом состоянии заторможенного счастья от отсутствия в своей хорошенькой головке мозгов и твердой уверенности в том, что она прямо таки необходима данному учреждению. Наверное, это и было так. Потому что, несмотря на то, что лейтенант Копылова вечно опаздывала на работу, теряла и путала документы, подшивая их не в те папки, продвигалась она по службе быстрее своих однокурсниц, которые вместе с ней окончили милицейский колледж. Вот и недавно Иван Степанович видел приказ о присвоении Светлане Копыловой очередного звания старшего лейтенанта, это то за неполный год ее службы в их управлении. Наверное, девушка была права в своей исключительности.

— Я вам заявления принесла,— сообщила она, обычным своим равнодушным голосом.

— Какие заявления? — подскочил на своем стуле майор.

Она внимательно на него посмотрела и пожала плечами.

— Как какие? Об угоне машин по улице Тургенева и еще в Столярном переулке. Мне сказали отнести их вам. А что не надо было?

— Давай их сюда,— тяжело вздохнул Иван Степанович.

Светлана протянула ему бумаги.

Два заявления были опять об угоне. Только теперь в одном фигурировала новая машина марки «БВМ» 2007 года выпуска, владелец Горин Максим Викторвич, а в другом речь шла опять о «Москвиче»-рухляди слава богу без владельца. Третье — от начальника ЖЭСа, Гаджиева, в котором говорилось об исчезновении большого мусорного контейнера с подведомственной этой организации территории.

— Господи, а мусоросборник «им» — то зачем понадобился,— в сердцах воскликнул Иван Степанович,— ворью этому.

— Я не знаю, может в хозяйстве пригодиться.

Майор внимательно посмотрел на младшего сотрудника и заметил:

— Мне не до шуток.

— А я и не шучу,— девушка пожала плечами.

Королев в очередной раз вздохнул и сказал:

— Ладно, Светлана, можешь быть свободна, иди.

Но та, пожалев, майора, который от своей полноты видимо, уж очень маялся от жары, решила его предупредить.

— Этот, у которого иномарку украли, здесь сидит и орет на всю приемную. Наверное, его к вам сейчас пришлют.

— А о чем он там кричит? — поинтересовался Иван Степанович.

— Ну, о том, что неизвестно для чего у нас милиция в стране существует, и что эта милиция ни на что не способна, как только граждан обирать. Ну, как всегда. Одно и тоже. Нервный он какой-то. Из-за чего так расстраиваться, ума не приложу?

Когда за Светланой закрылась дверь, Иван Степанович, разложил веером все пять заявлений и попытался сосредоточиться.

«Сумасшедший вредитель, а по-другому его не назовешь. Ведь нормальный угонщик, такой ерундой не будет заниматься. А этот, наверное, подгонял погрузчик и увозил машины. Но куда? Скорее всего, на металлолом».

Майор досадливо поморщился.

«Чушь. Какой там металлолом и кто сейчас за это будет, что платить? Нанять автопогрузчика с водителем — себе дороже будет. А контейнер с мусором, кому понадобился? Все это сплошная ерунда и непонятка».

Мужчина тяжело встал из-за стола и опять подошел к окну.

Во дворе стояла тишина. Сашки в машине не было

Иван Степанович посмотрел на часы. Начиналось время обеденного перерыва.

В дверь постучали, но тот, кто находился за ней, не стал ждать разрешения и сразу же вошел в кабинет.

Перед взором майора Королева предстал мужчина лет сорока, одетый скромно, но с той скромностью, как отметил про себя сотрудник милиции, которая стоит немалых денег.

— Извините, можно войти? — поинтересовался мужчина.

— Вы уже и так здесь,— пробурчал Иван Степанович, вернулся к столу и собрав заявления, убрал их в стол.

— Присаживайтесь.

— Благодарю вас,— мужчина придвинул стул поближе к столу и сел напротив майора.

— Мне ваш командир сказал, что вы занимаетесь угонем машин по нашему району?

— Да, я

— Очень приятно,— мужчина усмехнулся.— Приятного здесь конечно мало, лучше бы мы встретились с вами при других обстоятельствах и в другом месте.

— Это мое рабочее место, и работа у меня такая,— заметил майор.

— Я все понимаю. Ну, надо же было с чего-нибудь начать разговор,— мужчина опять усмехнулся.

«Ну, этот все жилы вытянет из меня, если я его машину не найду. Этот меня раньше времени на пенсию отправит и глазом не моргнет. Удушится за свою машину».

— Скажите, пожалуйста, есть ли у вас какие-либо сведения о моей пропавшей машине или пока ничего?

— Честно говоря, Максим Викторович, я так понимаю, что это вы обладатель «БМВ»?

У майора была отличная память на имена и телефонные номера

Посетитель кивнул головой.

— Мне только-только принесли ваше заявление, поэтому ничего конкретного сказать не могу. Но, может, вы, что-нибудь видели или может вы, кого-нибудь подозреваете? Ну, предположим, соседи, приятели, друзья? — спросил следователь.

Мужчина достал сигарету и вопросительно посмотрел на Ивана Степановича.

Тот придвинул к нему пепельницу.

— Вы будете?

— Нет, я не курю. Пепельница это для посетителей. Люди обычно в нашем учреждении нервничают.

— Я не нервничаю,— мужчина опять усмехнулся,— просто противно. Сейчас эта тварь разезжает на моей машине, и наверняка молокосос, какой-нибудь нищий, а мы сидим здесь двое здоровых мужчин и гадаем, кого можно заподозрить или облить грязью. Стрелять все это ворье надо.

— Патронов не хватит, да не поймешь с кого начинать,— прервал красноречие пострадавшего Иван Степанович.

— Я с вами полностью согласен,— не уловив двойного смысла, согласился тот.

— Максим Викторович, а где вы обычно оставляли свой автомобиль на ночь?

— У нас во дворе была когда-то детская площадка, но дети все выросли, вот я там и ставил машину. Старушки, правда, ворчали, что я там им траву мну. Но я не обращаю на них никакого внимания. Эти гримзы всегда вечно чем-то недовольны. Им то не понять, что все около домов забито. А там хоть ее никто, по крайней мере, не поцарапает.

Владелец «БМВ» курил одну сигарету за другой и вскоре Иван Степанович, почувствовал, как у него заныло сердце, поэтому, желая поскорее избавиться от незваного заядлого курильщика, он сказал:

— Мне все ясно, Максим Викторович. Значит, никого вы не подозреваете, и врагов у вас нет? А во дворе никто ничего не видел и не слышал? Я правильно вас понял?

— Абсолютно правильно,— мужчина выжидательно смотрел на майора Королева.

А тот встал и сказал:

— Вопросов к вам у меня больше нет, да и притом вы в своем заявлении все грамотно и четко изложили. Вы идите сейчас, а я ближе к вечеру, когда люди с работы начнут возвращаться, к вашему дому подъеду и поговорю с жильцами. Может, и найдем какую-нибудь зацепку.

Посетитель тоже встал и протянул ему руку.

— До свидания, майор. Мне тоже пока все ясно, что ничего не ясно. Но я человек дотошный и пока вы не найдете мою машину, жить мы с вами будем тесно и видеться ежедневно.

— Воля ваша,— согласился следователь.

Когда за Гориным закрылась дверь Иван Степанович сел на стул, и расстегнул воротник рубашки.

Есть не хотелось, и он решил, что как только придет водитель, то они сразу поедут на место происшествия, на эту проклятую улицу Тургенева. Может, во дворе

там кто-то сейчас и есть. Мамаши с детьми, небось, выйдут на прогулку, да и бабульки, эти самые верные друзья милиции, что-нибудь подкажут, а там, глядишь, и рабочий люд подтянется.

Перед домом наверняка имеется какой-нибудь скверик, постройки в том районе не современные, вот там он и переждет в тени листвы остаток знойного рабочего дня, и оттуда напрямик домой поедет, размышляя Иван Степанович. Настроение его улучшилось от предвкушения того, что скоро он покинет этот душный кабинет и окажется в зеленой прохладе деревьев.

Ехали долго, хотя Сашка поставил мигалку, и делал невероятные маневры, нарушая при этом мыслимые и немыслимые правила дорожного движения, но все равно приходилось постоянно притормаживать. Узкие улицы, да огромный поток машин в обе стороны, не давали особо маневрировать. Но в салоне автомобиля было прохладно, и Иван Степанович умудрился даже немного вздремнуть.

Майор оказался прав.

Улица Тургенева находилась в тихом районе. Остались еще такие маленькие тихие «оазисы» в их современном многомиллионном мегаполисе, где было много зелени и тишины. Дома здесь были пятиэтажные, серого кирпича, построенные еще в середине прошлого века. Глаз радовал ухоженные палисадники и цветники, разбитые под окнами жильцов первых этажей. Здесь еще боролись за право называться «лучшим подъездом дома». Пятиэтажки утопали в сумрачной прохладе чуть ли не вековых деревьев.

Иван Степанович направился в то место, где торчали два железных столба с перекладиной, служившие когда-то для крепления подвесных качелей. Это, видимо, и была та детская площадка, о которой говорил потерпевший, и где на скамейке, к радости следователя, расположились три старушки, которых он еще заметил из окна машины, когда его водитель припарковывался возле дома номер 23.

Бабулечки не сразу обратили на него внимание. Они были заняты обсуждением своей четвертой поделницы, которая в данный момент отсутствовала.

У всех на головах были надеты разноцветные шляпки-панамки, связаны из простых нитей и которыми, видно, одарила их приятельница, сухонькая старушка, которая и в данный момент вывязывала крючком витиеватые узоры очередного изделия.

— Я ей говорю, что же ты, Клавдея, помидоры не покупаешь? — рассказывала рукодельница своим товаркам. — Экономить что-ли? А она мне в ответ, а я их просто не люблю, так как ни разу в жизни не ела.

— Не может быть, — всплеснула полными руками, кругленькая старушка, та, что сидела посередине, — Прокофьевна, она тебя обманула. Никогда не поверю в такое, чтобы в нашем современном мире человек ни разу даже не попробовал помидорину.

— Так что я, по-твоему, вру? — возмутилась женщина, которую назвали Прокофьевной.

— Да упаси тебя бог, я не об этом. Просто, я думаю, что у нее что-то с головой случилось. Она же сидит одна, как сыч, целыми днями дома. Только иногда вижу, как по утрам — юрк из подъезда, а через полчаса назад. Видно, только в магазин и выходит. Вот и говорит теперь всякую чепуху.

— Да нет, девоньки, просто она на сериалах помешалась. Ведь что они эти паразиты делают на этом телевидении. Только один заканчивается, так за ним следом другой начинается. Вот Клавдия в промежутках между фильмами только что и успевает, как в магазин сбегать. Я зимой тоже прилипла к этому телевизору. Так они, эти киношники, своей белибердой человека, прямо как удавы засасывают. На самом интересном месте кино прервут, а остальное, мол в следующий серии смотрите. Любопытство наше разжигают таким макаром. Только я бросила это дело. Плохо видеть чего-то стала, — вмешалась в разговор третья их приятельница, старушка, интеллигентного вида, в белом платье с крупным рисунком из красных маков.

Наконец, они заметили почти вплотную, подошедшего к ним майора милиции, замолчали и все три на него уставились, с выражением явного любопытства на лицах.

— Добрый день, граждане! — самым ласковым голосом обратился к ним Иван Степанович. — Как поживаете, как ваше самочувствие?

— А с каких это пор милиция стала интересоваться здоровьем пенсионеров? Понадобилось, поди чего-нибудь? — ехидненько поинтересовалось рукодельница.

— Да, понадобилось, — согласился Иван Степанович.

— Вы, наверное, по поводу пропавших машин приехали? — спросила полноватая старушка.

— И чего это ты, Елена Ивановна, всегда поперед батьки в пекло лезешь? — одернула ее та, к которой обращались по отчеству Прокофьевна. — Начальство само скажет, что ему нужно.

Елена Ивановна виновато заморгала глазами.

Иван Степанович понял, что «вредная» Прокофьевна в этой компании за главную, и поэтому сначала решил именно обратиться к ней.

— Извините, как ваше имя — отчество?

— Я Варвара Прокофьевна, это Елена Ивановна, а это Мария Ивановна, — представилась та и представила своих подружек.

— А я старший следователь по особо важным делам, майор Иван Степанович Копылов, — представился и он.

— Это что ж, Максимки нашего машина особо важная или Федоровича развалюха? — опять ехидненько заметила рукодельница.

— А у нас в стране, Варвара Прокофьевна вся частная собственность имеет особо важное значение, — глубокомысленно заметил следователь.

— Тот-то я смотрю, — ответила та и строго поджала губы.

Не имея никакого желания дискутировать дальше, Иван Степанович решил перейти прямо к делу.

— А скажите, пожалуйста, может быть кто из вас, видел или слышал что-нибудь, во время угона машин или пропажи контейнера? — спросил он.

— Вы знаете, товарищ майор, у нас у всех, к сожалению, окна выходят не во двор, а на противоположную сторону, — ответила Мария Ивановна, — хотя я страдаю бессонницей и частенько подхожу к окну, особенно в эти дни. Надеюсь на то, что хотя бы в ночное время подышать относительно чистым воздухом, и то при всем моем желании ничего бы не могла бы вам сказать, — женщина виновато улыбнулась.

— А ты скажи, мил человек, — не утерпела, видно, от того, что не она находится в центре внимания, и опять заговорила Варвара Прокофьевна, — а у тебя там, в заявлениях, не значится куда наша Людка-дворничиха скамейки утащила? Вот уж точно загадка. Стояли себе скамейки около подъездов, стояли, а как появилась эта толсто-задая, так они напрочь сразу испарились. Видно, этой горластой надоело мусор убирать около наших скамеек. Молодежь ее замучила, что пивными бутылками все заваливает, так еще и плюется и семечки лузгает. Такие вот нынче наше будущее, посиделки устраивает в своих дворах. А то, что нам, старым людям, может, присесть охота да и сумку поставить, когда из магазина возвращаешься, так никому до этого дела нету. Так как там, майор, нет там заявление об испарении наших скамеек?

— Ой, ну что ты говоришь, Прокофьевна, — снова всплеснула руками Елена Ивановна, — человек тебя о деле спрашивает, а ты все о своем, — с укоризной в голосе сказала она.

— Я не о своем, я об общественном, — огрызнулась та.

Обстановку разрядил местный участковый уполномоченный, старший лейтенант Сергей Павлович Рукавин. Молодой розовощекий мужчина, который очень кстати

появился около их «компании», так как Иван Степанович, стал уже потихоньку раздражаться — разговора много, а дела никакого.

— Ну что, девоньки, всем кости перемыли или еще кого в живых оставили? — подмигнул он Ивану Степановичу.

— Зря вы так о нас говорите, — сказала Мария Ивановна, — вот когда будете на нашем месте, тогда и посмотрим, чем вы сами будете заниматься.

— Да ладно, ладно не обижайтесь на меня. Это все от жары и от нервов, — миролюбиво сказал участковый, — Я ж без вас, как без рук.

И уже обращаясь к следователю, предварительно взяв того за локоть и потихоньку уводя того от скамейки, сказал.

— Вы знаете, товарищ майор, чувствую я, дохлое это дело и знаете, что во всем этом самое поганое — то, что если с гражданами, которые имели развалюхи, вопрос как-то можно будет решить, то с гражданином Гориным нам будет много проблем. Да и его понять можно. Только, только купил новую машину и надо же случится такой напасти. Хотя я и злился на него за то, что он машину перед носом у детишек ставит, но все рано человека жалко. Докладываю, что я здесь во всех квартирах уже побывал, но никто ничего не видел и никто, естественно, ничего не знает. Ну, а если эти подружки ничего не рассказали, то дело вообще глухое, — сетовал Рукавин.

Иван Степанович понял, что делать ему здесь пока больше нечего и, попрощавшись и со старушками, и с участковым, сел в машину.

Была пятница и у него мелькнула мысль: «а не махнуть ли сразу на дачу на выходные, всего каких то сто пятьдесят километров». Но, поразмыслив, решил все же поехать домой. Перед выходными просто так из города не выберешься, а тут еще неизвестно, как на выходные дело обернется.

Чутье не подвело опытного следователя. Рано утром на следующий день раздался звонок, и дежурный по телефону сообщил, что сегодня в экстренном порядке на 12-00 назначено совещание у начальника. Он доверительно сообщил Ивану Степановичу: «у нас здесь такое происходит, прямо падеж какой-то».

— Ты Петр, прямо какими-то коровьими терминами стал выражаться.

— Тут, товарищ майор, скоро не так заговоришь. За ночь исчезло только по нашему району около тридцати машин и еще всякой всячины, а по городу вообще около тыщи. За одну то ночь! И главное, доложу я вам, в основном тот автотранспорт, который несознательные граждане на тротуарах оставляли да на газоны ставили. Пацаны, которые это творят, просто озеленители какие то. Ведь теперь в тех дворах пустота. Ребята говорят — благодать, хоть спокойно к дому подъехать можно.

— Спасибо, Петя за информацию, — прервал разглагольствования дежурного Иван Степанович. — Буду собираться, — и повесил трубку.

Когда он прибыл в свое отделение, в коридорах толпилось столько народу, как своих, так и гражданских, похлещи, чем в будние дни.

Дежурная часть была просто облеплена страждущими потерпевшими, которые хотели, как можно быстрее покончить с формальностями, то есть оформить заявлением свои дальнейшие отношения с милицией по поводу исчезновения своего имущества и скорее покинуть данное заведение.

Совещание проходило, как никогда, «продуктивно». Ни у кого из присутствующих там оперов, не было никаких предложений, никаких версий.

На угон это совсем было непохоже, так как многие из перечисленных автотранспортных средств были все те же старые машины не на ходу, хотя попадались в списках и дорогие иномарки. Но все эти случаи приобретали характер, какого то массового гипноза, — ведь никто ничего не видел, никто ничего не слышал. Ни милиция, ни пострадавшие никто ничего не мог взять в толк.

В чем заключалась акция, и чего добивались неизвестные злоумышленники, такими вот своими неадекватными действиями, было непонятно.

— А вы, Иван Степанович, задержитесь,— услышал Копылов, под конец совещания, когда сотрудники задвигали стульями.

Дверь за последним из совещающихся закрылась и полковник Хрущев Григорий Семенович, обратился к старшему следователю.

— Ну, что там у тебя Иван Степанович, есть хоть какие-нибудь наработки? А то этот Горин, уже мне сегодня с утра пораньше звонил. Физиономия ему твоя не внушает доверия. Говорит, что толстые люди мало чего мыслить могут, так как больше, наверное о своем желудке думают. Я, конечно, утрирую, но где-то разговор звучал приблизительно в таком русле. Видишь, какой у нас теперь «потерпевший» умный пошел,— полковник зло усмехнулся.— Гляди, чего доброго раньше времени на пенсию меня и тебя отправит. Такие могут все.

Начальник встал из-за стола и подошел к открытому окну.

Там во дворе, молодые следователи курили на крыльце и весело о чем-то говорили.

— Да ничего хорошего сообщить не могу, Григорий Семенович,— вздохнул Иван Степанович.— Поработал я там. Встретился с местным оперуполномоченным. Мужик вроде дельный.

— Ну и что?

— Да и ничего,— опять ту же фразу произнес старший следователь.— Никто ничего не видел, никто ничего не знает.

— Плохо, брат,— вздохнул Хрущев.

— Да уж куда хуже,— согласился с начальником Иван Степанович,— Такого никто бы и в кошмарном сне увидеть не смог.

— Ладно, Иван Степанович, иди работай, и подключай всех свободных сотрудников к этому делу. Ведь должна же быть хоть какая-нибудь зацепка, хоть что-нибудь.

«Должна, должна быть»,— думал Иван Степанович, покинув кабинет начальства,— только, где ее взять, зацепку эту...»

2

Антон Сергеевич вышел из вагона метро и почувствовал, как пот липкими струйками стал стекать по спине. В туннеле по ходу следования поезда хоть какой-то ветерок был, а здесь на станции духота, грязь и море народа. От всего от этого он находился сверх меры в раздраженном состоянии духа, а недоволен чем-либо Антон Сергеевич был всегда.

Но тут его внимание привлекла голова мужчины, которая, возвышаясь над толпой, продвигалась к эскалатору, какими то странными толчками. Не плыла над толпой, как принято говорить, а именно двигалась зигзагообразными рывками.

«Голова» взошла на эскалатор,— через несколько человек от нее находился и Антон Сергеевич. Теперь его внимание привлекло то, что чья-то рука старательно срывала бумажки со всяким написанным там бредом, которыми было залеплено все пространство, между поручнями двух эскалаторов. «Хоть один сознательный человек попался, который борется за чистоту и порядок»,— подумал он.

Его заинтересовал этот добровольный «чистильщик» метро.

И Антон Сергеевич почему-то даже не удивился тому, когда увидел, что этим человеком оказался мужчина с подпрыгивающей головой.

Тот задержался на выходе, в одной руке держа ворох сорванных объявлений, в другой — ярко желтый мешок с черными буквами, которые гласили: «Сумасшедшие дни в Стокмане». Выражение лица у мужчины было отрешенно-задумчивое.

Антон Сергеевич усмехнулся тому, что уж очень эта надпись соответствовала поведению ее обладателя и вышел из метро.

Улица встретила его раскаленным воздухом, который был ничуть не свежее, чем в подземке.

«Все сумасшедшие: люди, город и погода»,— подумал он и достал флакончик с дезинфицирующей жидкостью и протер ими руки.

Любое чистое вещество обладает свойственным только ему набором свойств.

Антон Сергеевич Серов любил чистоту до умопомрачения, до стерильности. Если эта его страсть к порядку в юности называлась странностью, то теперь, спустя годы и в связи с новыми веяниями в медицине, она стала именоваться — фобией. Но это его мало интересовало: своим привычкам и принципам он был верен всю свою жизнь.

Антон Серов родился на Дальнем Востоке в семье морского офицера. Мама у него преподавала русскую литературу и была натурой восторженной. Она любила заниматься общественной деятельностью среди скучающих жен военного городка. Именно в их обществе она могла поделиться своей любовью и к литературе, и к жизни, которая представлялась ей как самое прекрасное и чудесное явление на земле.

Несмотря на активную жизнь матери, в доме всегда была образцовая чистота. К порядку были приучены чуть ли не с пеленок Антон и его младшая сестра Наташа.

Ветер с океана нес свежесть с запахом йода, соли, и еще чего-то неуловимого, что делает водные просторы неповторимой мечтой художника. Многие можно передать цветом красок, но запах танцующих волн — ничем.

А у Антона Сергеевича обоняние было очень развито. Его нос чувствовал не только запахи, но и их любые неуловимые оттенки.

Чистенького и аккуратного мальчика раздражали не только плохо пахнущие люди, но и непорядок в одежде — сначала непосредственная неряшливость одноклассников, а потом — юношеская безалаберность однокурсников. *Чистыми называются вещества, не содержащие примесей других веществ.*

Может, по этой причине, но у Антона не было друзей. Что же касается девушек, то те имели определенные дни, которые добавляли той или иной прелестнице к ее естественному запаху еще дополнительный флер, который вызывал у чистоплюя Серова, чувство брезгливости.

Только раз в жизни у него был роман в полном смысле этого слова. Это случилось тогда, когда отец Антона Сергеевича вышел в отставку и отбыл на постоянное место жительства в столичный регион, где его сын поступил в университет на химический факультет.

Катя, Катюша, Катенька была вся такая пухленькая прелестница, с воздушно-пушистыми светлыми волосами и огромными прозрачными голубыми глазищами. В перерывах, когда Катенька молчала и не болтала всякую ерунду, она бесконечно часто принимала холодный душ или блаженствовала в теплой ароматической ванне.

Антон полностью растворялся в ее пушистом теле и ласковой болтовне, вздыхая с упоением запах ее чистой и белоснежной кожи.

Однако, очень скоро, Катерине надоела его «немислимая» чистоплотность, и она его оставила ради студента-медика из Анголы.

Только одержимая любовь к химии спасла Антона от разрушительной силы любви человеческой.

Поэтому, когда на выпускном вечере Катерина попыталась на прощание его обнять, Антон брезгливо отстранился от ее рук, которые гладили черное тело его соперника.

Любое чистое вещество обладает только свойственным ему набором свойств.

Химия стала для него всем и заменила ему все. Ведь благодаря фразе, которую он услышал еще с детства и которая звучала так: «чистота эксперимента» — слово **ч и с т о т а** предопределило всю его жизнь.

После распределения он долгие годы работал в одном ответственном НИИ, где в годы Советской власти было открыто несколько новых элементов в таблице Менделеева. Но под открытием никогда не ставилась чье-либо конкретное имя, а обозначалось приблизительно так: «группа ученых под руководством профессора такого то».

Но Антона вся эта атрибутика мало трогала. Он твердо верил в то, что настанет тот день, когда он затмит своим открытием все открытия мира. Молодой ученый работал, как одержимый. К тридцати годам защитил кандидатскую, и вот-вот уже на носу должна была быть защита докторской, но в стране наступила перестройка — неся за собой неразбериху, хаос и отчаянье для многих миллионов людей, и от степени пришлось отказаться.

А тут, как говорят в народе: «пришла беда — отворяй ворота». Скоропостижно от инфаркта умер отец, сестра вне брака родила ребенка от какого то азербайджанского работника рынка и была вынуждена сидеть без копейки денег, так как отец ребенка утверждал, что сам еле-еле сводит концы с концами. Институт, где Наталья работала многие годы, быстренько закончил свое существование, и пособие молодой матери никто не думал платить, а немалые деньги их семьи, которые хранились на книжке в сберкассе, в одночасье обесценились.

Бескорыстные реформаторы, наверное, не один год думали, как сделать в стране так, чтобы денежная масса от населения за короткий срок попала в нужные руки конкретных людей. «Кто был никем, тот станет всем».

Ведь сам народ никогда и никому не был нужен, а русский в особенности. Нужна была их мускульная сила и денежные сбережения. Народ — это же не конкретный человек, народ — это так, частица мироздания.

Моль — порция вещества (т.е. такое его химическое количество), которая содержит столько же структурных единиц, сколько атомов содержится в 0,12 кг углерода.

Многие из знакомых Антона Сергеевича, среди них были ученые и с мировыми именами, словно перелетные птицы, потянулись в чужие края. Не устоял перед искушением и он. Вместе со своим бывшим руководителем лаборатории, Антон уехал в Америку. Однако сумел он там продержаться всего год.

Серов не отрицал, что Америка — великая страна, с огромными территориями и большими перспективами во всем, особенно для тех людей, кто мог мыслить категориями не среднестатистического американца.

Его уверяли, что в данной стране абсолютная свобода во всем, не то что у него на родине, но, увы, там было столько лицемерия и двойных стандартов, что многие запреты, которая устанавливала Советская власть для своего народа, меркла перед устоями жизни этого демократического государства.

Особенно его злило, что, ратуя за достойное существования других народов, не зная и даже не интересуясь их традициями и обычаями, его коллеги американцы принимали покровительственный тон в политических спорах, когда речь заходила о «свободах» в других странах.

Однако при этом никто из них, даже и не вспоминал, как за двести лет, на данной территории, были почти полностью уничтожены индейские народы и их цивилизация.

Конечно, куда интереснее наводить порядки в другом месте, чем у себя дома.

Серов никогда не думал, что его так будут раздражать толпы потных, толстых афроамериканцев, к которым он еще со студенческое скамьи испытывал непреодолимое отвращение. Какие там к черту афроамериканцы? Негр он и в Африке негр, а не какой-то там афроафриканец. Может еще придумают называть их афрополяками или афрохохлами? Чушь!

Его мучило от вечных улыбок, от небоскребов. Ну, вообще, не нравилось Антону Сергеевичу там.

Еще, видно, в неприятии этой страны не последнюю роль сыграло и его плохое самочувствие. У него были обожжены легкие кислотой. Это случается иногда при опытах с летучими смесями, и ему, почему-то, хотя он жил на берегу океана, в университетском городке и в отличных условиях, — не хватало воздуха.

Метод разделения однородных смесей — дистилляция (или перегонка) основан на разности температур кипения компонентов смеси.

По возвращении, он первым делом на заработанные деньги купил сестре комнату и обеспечил себе покой и тишину, избавившись таким образом от вечно орущего и сопливого племянника.

На удивление, ему очень обрадовались на старом месте работы и, предложив должность руководителя лаборатории, дали даже приличное жалование.

Все устоялось. И дома он наконец-то смог обустроить свой личный кабинет, где его никто ни под каким видом не отвлекал от его любимых экспериментов.

В квартире теперь проживали только он и мать, которая днями пропадала на собраниях в Доме Ветеранов труда или в гостях у дочери, присматривала за внуком, пока та рыскала в поисках денег, занимаясь распространением косметики.

Антон Сергеевич был полностью готов для своего мирового открытия в области химии, но шло время, а ничего выдающегося не происходило.

За годы он из высокого и стройного молодого человека превратился в костлявого, сухотелого мужчину без определенного возраста с желтоватым оттенком кожи на лице. Руки его от многочисленных ожогов кислотой загрибели и покрылись шрамами. И, когда он в общественном транспорте брался за поручень, то нередко замечал, как кто-то рядом отдергивал свою руку от его — так неприглядно выглядели эти рубцы.

«Урод, за своими руками бы лучше смотрел, там, поди, микробы «толпами» маршируют под барабанную дробь», — со злорадством думал он, когда встречал такую реакцию окружающих.

Антон Сергеевич Серов хотел изобрести такое средство, которое бы в одночасье уничтожало бы и растворяло на земле все отходы жизнедеятельности людей. Под ними подразумевались все эти вселенские нечистоты, которые расплодились не только в том городе, где он проживал, но и по всей планете.

Дело двигалось медленно еще оттого, что опыты ставились только дома, хотя и каждый день, но, увы, ничего не получалось.

О протекании химической реакции можно судить по выделению газа, выпадению осадка, изменению цвета, появлению запаха, излучению света и выделению теплоты.

За стенами кабинета Антона Сергеевича, в соседней квартире, проживали супруги Абрикосовы: Геннадий и Валентина. Обоим было лет под сорок.

Валентин преподавал в профтехучилище — он был замечательным мастером по укладке керамической плитки, а жена его, Валя, имела тоже необходимую специальность на все времена — маляра-штукатур.

Но как говорится, «сапожник без сапог».

Сколько себя помнил Антон Сергеевич у соседей шел бесконечный ремонт. Там что-то вечно сверлили, скребли, молотили. Иногда с такой силой, что пробирки на столе в кабинете начинали мелко подрагивать и издавать противный дребезжащий гул, а огонь горелки вспыхивал прерывистым пламенем.

В такие минуты Серов приходил буквально в бешенство. Ему в его квартире мешали творить, нарушали не только порядок вещей и мыслей, но и чистоту экспериментов!

В один из таких дней Серов не выдержал и, выбежав из квартиры, с яростью нажал на дверной звонок соседей.

Он не снимал руку со звонка до тех пор, пока дверь не открылась.

На пороге стоял сам Абрикосов в неизменном домашнем наряде, имеющею ма-

гическую власть над большинством мужского населения в нашей стране: тренировочные штаны с вытянутыми пузырями на коленях, в белой хлопчатой майке и в шлепанцах на босу ногу.

— Привет, профессор, ты чего наяриваешь?— добродушно улыбаясь, поинтересовался тот.

— Сколько раз можно говорить вам, Геннадий, что никакой я не профессор? Я хочу...

— Ну, чего ты кипятишься? — перебил его сосед.— У меня, кто в очках — все профессора.

— Я вас просто умоляю! Перестаньте колотить по стенам! Вы мне мешаете работать.

— А работать надо на работе,— вытирая полотенцем руки, на подмогу мужу, вышла из кухни Валентина.— Мы же вам, профессор не говорим, что от вашей квартиры бесконечно каким то дерьмом воняет? Мы уважаем, ваше право на всякие там эксперименты, так и вы нас уважайте. Я с девяти утра до шести вечера могу в своей квартире хоть на голове ходить или слона привести, чтобы он своим ножищами топал на головы соседям.

Ее муж одобрительно засопел.

— Ну, что ты шумишь, профессор? Зашел бы лучше как-нибудь, к нам по-соседски. Пивка бы выбили,— предложил Валентин.

Поняв, что все разговоры бессмысленны, Антон Сергеевич махнул рукой и возвратился к себе в квартиру.

«Куда ему с такой опухшей рожей еще пиво пить! Мало ему того, что она вечно красного цвета, так он, наверное, мечтает ее до синюшного оттенка довести»,— в раздражении прокомментировал он про себя предложение соседа.

Индикаторы — это органические вещества, которые изменяют свою окраску в присутствии кислот и некоторых других веществ.

3

Утром в понедельник после звонка неутомимого Горина, который поведал старшему следователю, что не только газеты, но и телевидение без устали информирует о безобразиях, которые творятся в городе при попустительстве милиции, на пороге его кабинета появился Рукавин Сергей Павлович.

Участковый уполномоченный просто сиял.

— Здравия желаю товарищу майор! Скажите, если бомжи есть в обществе, значит это кому-нибудь нужно? — обратился он к старшему следователю.

— Этот вопрос я уже слышал, но в другой интерпретации. Там насчет звезд говорилось,— не понимая веселья Рукавина, пробурчал Иван Степанович.

— Я очень уважаю поэта Маяковского, оттого у меня такой и каламбур и вышел. Это я с точки зрения философской высказался. Ведь просто так в мире ничего не бывает?

— Лейтенант у тебя если есть, что сообщить, так говори, а не тяни kota за хвост,— сказал Иван Степанович.

— Одну минуту.

Рукавин подошел к двери и, открыв, ее, позвал:

— Саня заходи.

В кабинет бочком вошел худенький мужчина на удивление этой категории граждан опрятного вида, теребя в руках матерчатую панаму неопределенного цвета. Однако вид его чистой одежды был обманчив, так как вскоре Иван Степанович почувствовал, как помещение стало наполняться запахом давно немытого тела и прокисших помоев. Майор поморщился.

Саня заметив, появившееся на лице следователя недовольное выражение, застыл на приличном расстоянии от его стола.

— Вот,— прямо таки цвел Рукавин,— доложи товарищу майору, что ты видел и о чем мне рассказывал.

— Я в ту ночь, когда пропали машины у нашего дома, то есть у дома 23, собирал бутылки. Спать не хотелось, вот я и думаю, чего тянуть до утра, пойду-ка я потихоньку тару и пособираю. Территория это моя, хоть и никто из наших не пойдет сюда, но береженого бог бережет.

— Ну, вот хожу я по двору и вижу, как из третьего подъезда выходит мужчина и прямоком направляется на детскую площадку. Там такая красивая машина все время стояла, и он, подойдя к ней, что-то вылил на ее капот из пузырька, и эта машина у меня на глазах вдруг как-то вся скукожилась, ну как при авариях бывает, и раз... ее не стало. Я аж глаза зажмурил. Думаю, ну вообще башка от этой жары сдернулась, а сам потихоньку в тень отхожу и глаз с мужика не спускаю. А он уже как бы начал возвращаться к себе домой, но опять остановился около старенького жигуленка и снова на нее что-то вылил, и эта так же, как и та иномарка, в одночасье растворилась. А мужчина как засмеется, как на одной ноге запрыгает к своему подъезду. Меня прямь аж в дрожь кинуло. Человек-то он немолодой, чтоб так себя вести. Как он в подъезд вошел, так я сразу со двора и ходу, и никому об этих своих «видениях» ни гу-гу. А тут ребята стали говорить, что в городе машины исчезают, ну вот я рискнул рассказать эту историю Павловичу. Может для чего-нибудь и сгодится.

Мужчина с облегчением вздохнул.

— Вам сколько лет?— вкрадчивым голосом поинтересовался Иван Степанович.

— Да скоро шестьдесят будет,— мужчина испуганно захлопал глазами.

— Шестьдесят,— протянул Иван Степанович,— а все Саней зоветесь.

— Так мы в начальствах не ходим,— огрызнулся тот, заподозрив, что с ним сейчас начнут разъяснительную работу вести.

Но Иван Степанович, встав из-за стола, подошел к окну и настезь распахнул все створки. В комнату сразу ворвался жаркий воздух с запахом пыли и на какое-то мгновение заглушил тошнотворный запах, исходящий от бомжа.

— Саня,— повторил следователь,— так ты, наверное, хочешь, чтобы и у меня, как и у тебя и у старшего лейтенанта, голова сдернулась? Или ты сюда пришел лишь для того, чтобы тебя в каталажку посадили и там отмыли да накормили.

— А вы гражданин Рукавин,— обратился он к участковому,— что себе позволяете? Привести этого огрызка общества сюда и морочить мне голову.

Рукавин побледнел и как-то тяжело стал опускаться на стул.

— Что с вами Сергей Павлович?

— Ничего, товарищ майор. Это все от духоты. Спазм, наверное. Мне бы водички. Иван Степанович вмиг успокоился.

Он подал стакан с водой и, пока Рукавин пил, цыкнул на Саню.

— Иди отсюда, чтоб я духу твоего здесь не чуял.

Бомж в доли секунды оказался за дверью.

— Вы уж, товарищ майор, не обижайтесь. Это не ради шутки. Саня этот в прошлом был кандидатом химических наук. Жил в нашем доме, но потом, как это частенько бывает, попивать стал и не заметил, как без квартиры остался. Мужик он безобидный, вот наши старухи его и покармливают. А этот, про которого он рассказывал, Антон Сергеевич Серов, выдающийся химик, по словам Сани. Вот я подумал. Может, он чего и сотворил там из своих химических формул? Может, вроде того, как Уэллс в своем рассказе о человеке-невидимке писал.

— Хуже нет начитанных милиционеров,— съязвил майор.

Старшему лейтенанту видимо стало лучше, так как на его лице снова появился румянец.

— Я понимаю товарищ майор абсурдность всего этого. Ну, в этой неразберихе, что с машинами творится, я и подумал, может даже эта информация может пригодиться.

Он встал.

— Извините меня.

— Как ты говоришь, зовут этого выдающегося химика?

— Антон Сергеевич Серов.

— Дача у него имеется?

— Да нет, дома он сидит как вечерами, так и выходные дни — безвылазно,— не понимая, куда клонит майор, отвечал Рукавин.

Иван Степанович надел на голову фуражку и выключил вентилятор.

— Ну что ж, поедем, проведем Серова. Поступил сигнал от гражданина, надо реагировать,— и он весело подмигнул своему младшему по званию сотруднику.

4

И, о чудо, он нашел то, о чем мечтал, над чем бился, над чем страдал. Он изобрел средство «абсолютного растворения благоустроенной жизни на земле». Продукт — чистоты и стерильности.

Сначала Антон Сергеевич проводил эксперименты у себя в квартире, но мать, обеспокоенная пропажей многих бытовых вещей, книг, мелких предметов мебели, забила тревогу. Вот тогда-то в один из вечеров Антон Сергеевич решил, что пора.

Дождавшись наступления ночи, он вышел во двор, где и начал свое карающее возмездие бестолковому человечеству.

Он не задумывался о моральной стороне своих поступков. Кроме интереса изобретателя им двигала еще и злоба толи больного, толи уставшего человека от всей несправедливой сущности нашего мироздания.

— Сначала научитесь задницы за собой мыть,— приговаривал он, поливая своим изобретением неугодные ему машины, мусорные баки и бродячих собак.

После своей первой вылазки Антон Сергеевич оформил на работе отпуск за свой счет, так как днем он должен был готовить раствор, намечать жертвы исчезновений, а ночью предварять это на деле.

Все было бы замечательно, но при всем совершенстве раствор при вступлении в реакцию с другими предметами жизнедеятельности человека, начинал выделять отвратительный запах наподобие того, что нередко встречается в отделах, где продают свежее мясо или подобие полуфабрикатов из него. Недаром Серов всю жизнь был образцовым поедателем только растительной пищи.

А с собаками, дело обстояло еще хуже! Сразу все пространство, вокруг подопытных животных, отравлялось запахом разложившейся плоти.

В первый раз изобретатель даже чуть в обморок не упал, и поэтому отпуск ему был необходим для усовершенствования своей уникальной жидкости.

Реакция разложения — это реакция, при которой из одного сложного вещества образуется несколько новых веществ.

Он зашел в зоологический магазин и накупил на радость молоденьким продавщицам большое количество хомячков и морских свинок. Когда он направился к выходу, ему вслед закричала самая сердобольная из них:

— Мужчина, а у вас корм то есть? Их же много.

Но любитель фауны молча вышел из магазина.

Антон Сергеевич ставил опыт за опытом, но результат был один и тот же. Тошнотворный запах, даже вынудил его мать уехать из дома к своей приятельнице на дачу, никак не исчезал.

И вот Валентина Абрикосова как-то в один из самых на ее «взгляд» уж «наиот-

вратительнейших запахов», который шел из квартиры соседей, в негодовании позволила в дверь «наглого профессора».

Когда Антон Сергеевич открыл дверь, женщина, не ожидая приглашения, втолкнула в коридор квартиры ее хозяина и, как по наитию, прямоком направилась в кабинет. Там запах был более концентрированный, чем на площадке, и Валентина, вытянув руку в сторону стола, где стояли всевозможные колбы, пробирки и другая посуда для проведения опытов гениального Антона Сергеевича, стала кричать.

Серов не вслушивался в то, что именно говорила Абриковосова.

Перед его лицом маячила рука с облезшим маникюром, а он не сводил взгляда с ее плеч. Там на фоне серого цвета материи халата белым снегом лежала перхоть от несвежих волос, а фартук, который прикрывал недостающую на груди пуговицу данного наряда, сверкал жирными пятнами.

И тогда, Антон Сергеевич молча подошел к столу, взял в руку колбочку с новой порцией изготовленного раствора, подошел к Валентине и плеснул половину его содержимого, на грудь женщине.

И сразу наступила тишина. В комнате стоял уже ставший привычным для него запах, но только более сильной концентрации.

Антон Сергеевич вернулся к столу и начал собирать все свои записи в одну стопку.

Качественный и количественный состав вещества выражается с помощью химических формул.

Затем он собрал все реактивы и отнес всю лабораторную посуду в ванну. Там Антон Сергеевич стал выливать из колб их содержимое в сток, а пустую посуду ставить под бегущую струю воды из крана.

«Хорошо, что я никому не рассказывал о моем гениальном открытии. Затаскали бы по всяким симпозиумам. Ходи только да здоровайся с каждым за руку. Живи в их грязных гостиницах...»

Антон Сергеевич вышел из ванны и прошел к себе в кабинет, открыл окно настежь и сел за стол.

«О чем я думаю?» — удивился вдруг он. «Я убил человека! Хотя люди тоже же самое, что молекулы,— могут иметь свои химические свойства. Эта крикунья просто переродилась в другую субстанцию, поэтому у меня и нет по поводу нее никаких угрызений совести. Человек — это такая же органическая субстанция, которая только и умеет что гадить.

Миллионы людей рождаются, а творят только единицы и избранные. Так для чего нужны все эти остальные особи? Только для того, чтобы быть подопытным материалом для избранных. Ведь прошло столько веков, а все эти людишки в своих привычках так и остались на уровне обезьян.

«Вот я человек! — здесь его мысль споткнулась.— Но и она человек! Неужели я запутался? Мне же ничего не надо ни от людей, ни от жизни!»

И он пришел в ужас от того, что понял то, что ему действительно ничего не надо, абсолютно ничего. Он хотел руководить жизнью, а не жить, а ведь это взаимоисключающие вещи. Ведь, человек уже при рождении запрограммирован на свою судьбу, и изменить ее, он не в силах

Быть катализатором — веществом, которое ускоряет химическую реакцию, но само в ней не расходуется.

Боже, как он устал! Эта жара, словно человеческая глупость, так же жестока и бескомпромиссна.

Ведь что ждет его и его открытие? Сначала удивление, а потом критика завистников и недоброжелателей. Всякие доводы и нелепые домыслы по поводу того, что его изобретение — это исполнение заветной мечты всех ненавистников живой жизни на земле.

Может, оно и так, но у него не осталось сил, а главное желания вступать в спор со всем человечеством. Он доказал самому себе, что он выше всех и всего, а остальное уже не имело никакого значения и смысла.

Антон Сергеевич взял в руки все свои записи, прижал их к груди и вылил себе на голову свое открытие.

Химия — это наука, изучающая вещества и их свойства, а также превращение в другие вещества.

5

Как майор и участковый ни звонили и ни стучали в дверь Серовых — никто им так и не открыл.

Хотя рядом с ними находился Геннадий, заверявший милиционеров, что «все они там». Его Валюшка с полчала назад пошла к профессору и до сих пор не возвратилась.

Но без санкции прокурора дверь не взломаешь, а где находятся в данный момент другие домочадцы из этой квартиры, никто из соседей не знал.

Ночь с субботы на воскресенье, да и само воскресенье прошло без происшествий. Машины своих владельцев не подводили, — стояли на местах и не исчезли.

А в понедельник были зарегистрированы два заявления о пропаже граждан: Антона Сергеевича Серова и Валентины Петровны Абрикосовой, которые не появились дома уже более двух суток.

Шли дни, недели. Иван Степанович благополучно сходил в отпуск, но пропавшие граждане так и не объявились, как и не нашлось ни одной машины пострадавших граждан в те непонятные жаркие дни. Так и осталась масса незакрытых дел связанных с хищением частной собственности у граждан, вызывая периодически сильное негодование по поводу бездеятельности у одних и по поводу надоедливости у других.

Наступила осень. В их районе все было относительно спокойно.

Да и в доме по улице Тургенева, 23 больше никто не пропадал. Только бож Сая куда-то исчез. Никто его больше не видел во дворе. Лишился он покровительства участкового уполномоченного. Ерунду наболтал всякую и Рукавина перед начальством в дураках выставил, кто ж за это к тебе хорошо относиться будет.

Иногда к бабушкам во дворе, подсаживался Геннадий Абрикосов, чтобы в который раз поговорить о своей жене-вертихвостке, которая до того закрутила шашни с этим профессором, что не нашла ничего лучшего, как только улизнуть втихаря из дома.

— Мне-то что, — говаривал в такие минуты Геннадий, прихлебывая из горлышка бутылки нескончаемое пиво, — я мужик хоть куда, да и квартиру Валька, если даже вернется, шиш у меня получит, а вот мамашу профессора жалко. Это же надо, так мать родную не жалеть, — и он сплевывал в сторону новенького «Пежо» Горина, машина которого стояла на его любимом месте, на месте детской площадки.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СТАЯ

Геннадий Николаевич Маркин постоянный автор «Приокских Зорь», наш вьетатный корреспондент. Лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2008 год в жанре прозы. Долгое время служил в МВД и Минюсте РФ в системе Управления исполнением наказаний; в настоящее время служит судебным приставом в Туле. Живет в г. Щекине.

*Владимиру Петровичу Шадрину
посвящается...*

Сумерки наступили неожиданно. Казалось только что светило солнце и вдруг, словно по чьей-то команде, навалилась полутьма, сквозь которую на небосводе одна за другой стали вспыхивать яркие звезды. От сильного мороза потрескивали покрытые инеем деревья, вдоль которых рысью бежала запряженная в сани лошадь.

Сидевший на козлах извозчик приподнял ворот овчинного тулупа и втянул голову в плечи, надеясь таким образом укрыться от пробиравшего его насквозь мороза, а затем подстегнул лошадь вожжами.

— Ну, пошла, холера! — прикрикнул он и повернулся к сидевшему в санях курьеру. — Шалью, вашбродь, голову-то укройте, теплее будет, а то как бы не замерзли в дороге-то.

— Ничего, ничего, голубчик, ты обо мне не беспокойся. Лучше лошаденку свою шибче погоняй. Приедем на станцию там и согреемся, — проговорил курьер, дыхнув паром из-под обледенелой аккуратной бородки.

— До станции-то еще верст двенадцать будет и лес заканчивается. А в чистом поле оно всегда холоднее. Так что, вашбродь, голову-то шалью обмотайте, не побрезгуйте, — не отступал от курьера извозчик.

— Погоняй, голубчик, погоняй. А как на станцию приедем, так получишь от меня еще и на водку, — проговорил курьер, но все же послушал совета извозчика и начал надевать на себя шаль.

— Благодарствую вас, барин. Это мы со своей Матреной вас быстро до станции доставим. Она, Матрена-то, у меня не кляча какая-нибудь, она ездочная, — проговорил извозчик и, взмахнув плетью, со свистом опустил ее на спину лошади. — А ну пошла, холера!

Почувствовав ожог, лошадь фыркнула и, выпуская из ноздрей пар, ускорила ход.

«Приспичило же ему на ночь глядя ехать. Другие-то кульеры поумнее оказались. Остановились на станции ночлегом, а ентот, вынь и положь, везти приказал. Спешное у него какое-то поручение. Да и я тоже — хорош, поддался на его уговоры. Деньги за прогон хорошие посулил, аж две копейки за версту! А так я бы ни за что не поехал. Эх! Сидел бы сейчас на постоялом дворе, пил чай горячий да в карты играл. Нет, угораздило же меня согласиться, — мысленно ругался извозчик, изредка бросая взгляд на своего

пассажира.— Ну, ничего, ничего, недалече осталось, авось доедем. Главное чтобы впотьмах дорожные вехи из вида не потерять. Если собьешься с пути, тогда все...— извозчик не захотел даже думать о том, что может произойти с ними в пути, если они ночью в снежном поле собьются с дороги.— Авось доберемся,— повторил он, но уже вслух». Вскоре, как и говорил извозчик, лес закончился, и дорога вышла в чистое поле, прижимаясь однобоко, к стоявшим друг от друга на небольшом расстоянии лозиновым вехам. Глухой топот конских копыт, мягкое поскрипывание саней и одинокое треньканье бубенца, слились в единый звенящий на морозе перезвон, сквозь который путники отчетливо слышали леденящий душу протяжный волчий вой. Извозчик оглянулся и увидел на лесной опушке, на фоне темных силуэтов заснеженных деревьев несколько пар светящихся глаз. Волки вновь завыли, наводя на путников своим протяжным, заунывным и тревожным многоголосьем панический страх.

— Волки! Волки! Вашбродь, волки тама из леса вышли! — крикнул извозчик, указывая плетью в сторону леса.

Курьер откинул от лица шаль и посмотрел в ту сторону, куда указывал извозчик. Его охватил панический страх.

— Гони, милый! Гони быстрее! Спаси, не дай погибнуть! — закричал перепуганный курьер.

— Дык... я что же?! Неужлишь и мне помирать-то охота?! — запричитал извозчик и под продолжавшиеся крики курьера быстрее погнал лошадь. — Пошла, милая! Пошла, Матрена! Ну, же! Родимая не дай сгинуть тут! Пошла, холера! Кляча! Дохлятина! Пошла! Пошла! Родимая моя Матрена! — кричал извозчик, не переставая стегать лошадь. Та, учуяв волков, задрала вверх голову, вздыбила на загровке волосы и словно обезумев, помчалась во всю свою лошадиную прыть. Волки бросились в погоню, обходя извозчиков с обеих сторон.

— Гони! Гони! Не погуби, голубчик! Век благодарен буду! — продолжал кричать извозчику курьер. Шаль и башлык с его головы сбились, обнажив русые длинные волосы.

— Топор, топор возьми! Он тама под соломой лежит! — крикнул извозчик курьеру, стегая волков плетью.

Окружив повозку плотным кольцом, голодные, худые, с острыми выпирающими хребтами и ребрами, с облезлой шерстью волки попытались наброситься на лошадь, но никак не могли вцепиться в нее зубами. Одному из хищников все же удалось это, и он, рыча, повис на ней и так висел, пока та из-за боли не сбавила ход. В тот же миг на лошадь набросилось сразу несколько волков, а она, заржав, попыталась лягнуть их задними ногами, но конская упряжь мешала ей. Несчастное животное с трудом повернуло голову и взглянуло на извозчика жалобным взглядом, словно прося защиты, а затем, захрипев, повалилось на бок. Несколько волков попытались запрыгнуть в сани и находившиеся в них люди с ужасом увидели рядом с собой страшные оскалы волчьих пастей. Курьер спрыгнул с саней и попытался убежать в сторону леса, но волки, вцепившись в его ноги, заставили остановиться и утонуть в глубоком и ставшем багряным от крови снегу. Извозчик продолжал отчаянно отбиваться от нападавших на него волков, стегая их плетью...

Василий Яковлевич Шатров вышел на балкон своей квартиры. Утро выдалось повесенному теплым и солнечным. Со стороны автобусной остановки слышалось хлопанье дверей маршрутных микроавтобусов, а от городского рынка нарастало людское многоголосье. День был выходным, и многие горожане спешили на рынок. Внизу во дворе дома на детской площадке веселилась детвора. Постояв немного на балконе и полюбовавшись наступившим новым днем, Василий Яковлевич вернулся в комнату и плотно прикрыл балконную дверь, за которой остался уличный шум. Усевшись в кресло и взяв городскую газету, он углубился в чтение, надеясь из сооб-

щений узнать что-то новое о своем заводе, на котором работал до выхода на пенсию. Не найдя в газете для себя ничего интересного, Василий Яковлевич отложил ее и, решив пообщаться с бывшими коллегами по телефону, снял трубку. Та привычно загудела длинным гундосым звуком. Он уже почти набрал знакомый номер, но в это время в комнату вошла жена Любовь Владимировна.

— Решил кому-то позвонить? Опять про завод будешь расспрашивать? Дай же людям отдохнуть от тебя, хотя бы в выходной день,— посоветовала она.

— С чего ты взяла? Это нам кто-то позвонил,— пожал плечами Василий Яковлевич.

— И кто же? — сдерживая улыбку, спросила Любовь Владимировна.

— Сказали, что ошиблись номером,— вздохнул Василий Яковлевич.

— Что тебе еще сказала телефонная трубка?

— Она мне сказала, что ты у меня самая лучшая в мире жена,— засмеялся Василий Яковлевич. А затем подозвал к себе Любовь Владимировну и заговорщически добавил: — Только трубка мне это сказала по очень большому секрету.— Он сделал ударение на слово «очень».

— Ну, раз тебе такое сказала трубка, тогда мыть руки и быстро к столу, завтрак остывает,— тоном, не терпящим возражений, сказала Любовь Владимировна.

После завтрака Василий Яковлевич вновь вышел на балкон и немного постояв, вернулся в комнату, сел на диван.

— Маешься без дела? — присев рядом с мужем, ласково спросила Любовь Владимировна.

— Не могу без дела сидеть, не привык,— развел руками Василий Яковлевич.— Пойду на дачу, что ли, схожу, погляжу, что там новенького.

— Что там может быть новенького? Там, наверное, уже все старенькое растащили,— вздохнув, проговорила Любовь Владимировна.

— Взгляни, на деревьях листочки новые появились, а ты говоришь: что там новенького? — укорил Василий Яковлевич жену.— А на даче уже, наверное, травка новенькая поблескивает. Новая жизнь народилась. А то давай вместе сходим, свежий воздух все-таки.

Любовь Владимировна улыбнулась словам мужа и вздохнула. Вот уже около года ее одолевает недуг. Теперь далеко от дома она уходить не решается, да и лечащий врач не разрешает совершать дальние прогулки.

— Да нет, я уж лучше дома останусь, по хозяйству займусь,— проговорила она.— Да и дочь с внуком обещали в гости прийти.

— Ну, а я схожу на дачу, может быть там что-то подремонтировать нужно,— проговорил Василий Яковлевич и направился в прихожую.— Да, кстати, ты не знаешь, к чему это волки снятся? — спросил он уже стоя в дверях.

— Какие волки? — переспросила Любовь Владимировна.

— Обыкновенные, серые и злые. Сон я видел, будто волки напали на извозчиков.

После услышанного у Любви Владимировны возникло чувство беспокойства.

— А кровь видел? — спросила она у мужа.

— Видел. Волки вначале загрызли лошадь, а затем принялись за людей,— ответил Василий Яковлевич.

Любовь Владимировна стояла молча. Беспокойное состояние усиливалось с каждой минутой.

— Василий, может быть, ты сегодня дома останешься? — неуверенно спросила она у мужа. — Дочка и внук в гости обещали прийти, а ты уходишь.

— Да нет, все-таки схожу на дачу. Я там недолго буду, а дочка с внуком пусть не уходят, пусть меня дождутся,— проговорил Василий Яковлевич.— А что это ты вдруг решила меня дома оставить?

— Да что-то на душе неспокойно,— пожал плечами, проговорила Любовь Владимировна.

— Не говори ерунды,— засмеялся Василий Яковлевич и, поцеловав жену, открыл дверь.— Я скоро вернусь.

Принадлежавший Василию Яковлевичу садовый участок в шесть соток с небольшим дощатым домиком находился в ранее существовавшем садоводческом товариществе «Агро». В перестроечные времена, когда огромный градообразующий завод оказался вдруг никому не нужным, а работникам перестали выдавать заработную плату, чтобы не умереть от голода, люди ринулись на свои садовые участки. Выращенные своими руками овощи в основном шли на засолку, но были среди дачников и те, кто мог позволить себе выставить продукцию на продажу, что являлось для них единственной возможностью пополнения семейного бюджета. Вскоре как водится, на дачные участки повадились ходить и любители полакомиться за чужой счет. Частенько люди, придя на свои дачные участки, обнаруживали там не только опустошенные грядки, но и разгромленные дачные домики, а еще хуже вместо них свежие пепелища от пожаров. Эта нехорошая тенденция очень быстро стала набирать обороты и вскоре достигла такого размаха, что люди стали бросать свои дачные участки. К тому же за долги товарищество было отключено от центрального электро- и водоснабжения, после чего электрические провода и металлические трубы были разворованы. И только самые настоящие любители общения с природой, мужественно продолжали возрождать разоренные набегами свои родные шесть соток. К таким людям относился и Василий Яковлевич Шатров.

Взглянув на то место, где когда-то красовались огромные металлические ворота, бывшие гордостью садоводческого товарищества, а теперь украденные вместе с трубами, Василий Яковлевич вспомнил о том, как однажды они с женой шли на дачу и обнаружили эти ворота закрытыми на засов. Постояв немного в нерешительности, он, несмотря на возражения жены, под ее тревожным взглядом, смело перелез через ворота и, сдвинув в сторону тяжелый засов, открыл их. Такой же тревожный взгляд был у Любови Владимировны и сегодня, когда она провожала его на дачу. «Чего это вдруг она так забеспокоилась?» — подумал Василий Яковлевич и достал мобильный телефон.

— Дочка с внуком пришли? — спросил он после того, как услышал голос жены.

— Нет, еще не пришли,— ответила ему Любовь Владимировна.

— Пусть обязательно дождутся меня, я недолго.

— Хорошо. А ты чего звонишь-то?

— Я звоню, чтобы сказать тебе, что я тебя очень люблю,— проговорил Василий Яковлевич и отключил телефон.— Угораздило же меня рассказать ей этот свой дурацкий сон про волков. Наверное, очень ее расстроил или еще хуже напугал,— проговорил он вслух.

Подойдя к своему дачному домику, Василий Яковлевич услышал громкую музыку и шум голосов. «А это еще что такое там у меня происходит?» — мысленно спросил он себя и перешагнул порог. На диване, табуретах и перевернутых вверх дном ящиках, в которых Василий Яковлевич хранил урожай яблок, сидели и пили баночное пиво, курили и громко смеялись подростки. Они дурачились, матерясь, обзывали друг друга и кидались вещами. В домике царил хаос и беспорядок. Входная дверь была выбита и болталась на одной дверной петле, оконные стекла и рамы разбиты, немногая мебель сломана, посуда разбросана, на полу накинаны окурки.

— Вы что здесь делаете? — громко спросил Василий Яковлевич.

Подростки не ожидали появления хозяина дачи и молча смотрели на вошедшего.

— Я спрашиваю, что вы здесь делаете? — придав голосу строгость, вновь спросил Василий Яковлевич.

— Проходи, дядя, гостем будешь,— проговорил один из подростков и после его слов все дружно засмеялись.

— Гостем будешь, ха-ха-ха! — смеялся своей собственной шутки говоривший подросток.

— В гости приехал, хи-хи-хи! — смеялась рыжая и нетрезвая девчонка.
— Дедушка к нам в гости приехал из деревни, гы-гы-гы! — смеялись и другие подростки.

— Это надо сфотографировать, как дядя к нам в гости приехал,— громко смеясь, проговорила сидевшая на диване одна из девчонок и навела на Василия Яковлевича объектив мобильного телефона.

— Вы зачем рамы и стекла разбили? — повысил голос Василий Яковлевич.

— Дедушка рассердился!

— Дедушка нас сейчас всех накажет!

— В угол поставит и ремнем надает! — сквозь смех стали выкрикивать подростки.

«Наркоманы они что ли? Или пьяные? — подумал Василий Яковлевич. — А детишки-то не из бедных семей»,— пришел он к мнению, увидев на подростках богатое одеяние и дорогие мобильные телефоны, которые они держали в руках. Подростки продолжали смеяться и выкрикивать пошлости.

— А ну марш отсюда, а то я вашим родителям расскажу, как вы себя ведете! — прикрикнул он на них.

— Иди ты, дядя, сам отсюда. Не съедим мы твою дачу. А родителей своих мы уже давно не боимся,— проговорил один из подростков, и демонстративно развалившись на диване, стал пить баночное пиво. Другой подросток засмеялся его шутке и, вынув из кармана джинсовых брюк пачку дорогих сигарет, закурил.

— Если вы сейчас же не уйдете, я вызову милицию,— проговорил Василий Яковлевич и для большей убедительности достал мобильный телефон.

— Ого! Дядя-то с навороченной мобилой! А ну, дай-ка я посмотрю, что у тебя за аппарат? — перестав смеяться, проговорил все тот же подросток и, поставив в сторону банку с пивом, попытался вырвать у Василия Яковлевича из руки телефон, но тот ловко отклонил его руку.— А дядя-то еще брыкаться вздумал! — проговорил он и вновь стал отнимать у Василия Яковлевича телефон.

В тот же миг сидевшие подростки вскочили со своих мест и набросились на Василия Яковлевича. Понимая, что в маленьком и тесном дачном домике ему от навалившихся на него подростков не отбиться, Василий Яковлевич выскочил на улицу, набирая на ходу номер телефона милиции. Подростки выбежали следом и, выкрикивая ругательства, начали бить Василия Яковлевича. Он, бывший спортсмен, стал обороняться, но силы и возраст были неравными. Его били по лицу и голове, в живот и по спине, навалились на руки, сковав движение, обхватили за ноги. Вскоре Василий Яковлевич устал и под многочисленными ударами, сыпавшимися со всех сторон, упал. Основанная на бессознательном подчинении большинству, ликующая и улюлюкающая, лишенная чувства жалости, впавшая в азарт и обезумевшая толпа, избивала руками, ногами и выломанными из забора палками лежавшего на земле окровавленного и умирающего человека...

Почувствовав вкус крови, ощутив стадный инстинкт, голодная стая никак не могла насытиться. Окровавленный извозчик, выронив из рук плеть, из последних сил полз по снегу, пытаясь спастись, но волки, дико и страшно рыча, не давая ему никакой надежды, рвали на части его плоть. Расправившись со своими жертвами, волчья стая скрылась в лесу, изредка напоминая о себе лишь протяжным и далеким воем.

Вскоре поднялся сильный ветер и пошел снег. Разыгравшаяся не на шутку метель замела зимнюю дорогу, лозинные вехи и волчьи следы. И только сиротливо стоявшие занесенные снегом сани напоминали о той страшной трагедии, которая произошла здесь в зимнем заснеженном поле под молчаливым взглядом звездного ночного неба.

Валентин Ставицкий
(г. Москва)

ПЕРСТ СУДЬБЫ

Прозаик, член Творческого клуба «Московский Парнас», печатается в одноименном альманахе (журнале). В «Приокских зорях» публикуется впервые.

После окончания гимназии княгини Оболенской я вернулась в отчий дом в Москве и в том же 1911 году вышла за своего троюродного брата Тимирева Сергея Николаевича. Еще ребенком я видела его, красавца-моряка, когда проездом в Порт-Артур — шла война с Японией — выпускник Морского кадетского корпуса был у нас в Москве в полной форме русского офицера флота. За участие в боях в Японском море помощник старшего офицера эскадренного броненосца «Цесаревич» был награжден золотой саблей «За храбрость». После войны герой Порт-Артура удостоился чести занять должность старшего офицера императорской яхты «Штандарт», в коей пребывал до 1910 года. А за два года до этого стал кавалером ордена «Почетный легион» — высшей награды Франции. За какие заслуги — я так и не узнала, хотя и любопытствовала не один раз. Военные люди умеют хранить секреты.

Сергей Николаевич был много старше меня, но мне казалось, что я люблю бравого офицера, героя Порт-Артура, особу, приближенную к царю-батюшке, — что мы знаем о жизни в 18 лет! На меня же морской «волк» обратил внимание лишь за то, видит бог, что я однажды произнесла без запинки боцманскую тираду длиною в кабельтовый в ответ на его высокомерный вопрос о знаниях кисейной барышней в морском деле, о разнице между бригантиной и баркентиной, между бригом и баркой.

О-о! Флотоводец не знал, что «овечка» давно уже на зависть старшим братьям моим — Илье, Сереже и Ване, да и с целью самозащиты от насмешек, проштудировала не только книгу Жюль Верна «Дети капитана Гранта», но и «Морские рассказы» Станюковича, настольную книгу русских моряков.

— Эта детская загадка, милостивый государь, — мстительно ответила я тогда, — Фи! Разница между бригантиной двухмачтовой и баркентиной трехмачтовой... Я, к вашему сведению, Сергей Николаевич, музыкальные ноты легче запоминаю, если напеваю под звуки рояля названия парусов: фор-бом-брамсель, грот-бом-брам-стаксель, грот-трюмфель, крюс-брам-стаксель и крьюс-брамсель!

— Гром и молния! — выкатил глаза на лоб морской зазнайка от удивления. — Анна Васильевна, клянусь небом и морем, что никому не поверил бы, не услышь все это сам своими «эхолотами»! Да и сейчас изумлен чудом, чтобы глупая девица шпарила не хуже боцмана! Отныне я ваш раб, Анна Васильевна, до океанского дна!

— Благодарю вас за изящный комплимент, помощник боцмана, — обиделась я, помню. И, оказалось, покорила героя.

Два месяца спустя, а именно ноябрь-декабрь 11-го года муж повез меня в свадебное путешествие по Франции. Толи его причастность к «Почетному легиону», толи вековые традиции французского гостеприимства, — но те волшебные дни стали для

меня ожившими в жизни сказками Шехерезады, которыми в детстве нас с братьями и сестрами потчевала тетя Настя. Наша любимица жила в Петербурге, летом ежегодно приезжала к нам в Кисловодск. Ее приезд — это праздник, так как она рассказывает сказки из «1001 ночи» в собственной интерпретации. Мы, ее племянники и племянницы, слушали, помню, затаив дыхание. Тетя Настя всегда прерывает свое повествование на самом интересном месте — вдруг уедет в конце лета. А мы, дети, ходим замороженные до ее приезда в будущем году.

И пусть Франция простит меня, неблагодарную, но мне нет времени уделять этой стране достойное место в моих записях! Боюсь, не успею сообщить людям о более важных событиях, которые произошли со мною за прошедшие с тех дней 63 года.

В начале войны с Германией у меня родился сын Одя, а если полностью по метрической записи в церкви, то Володя, Владимир Сергеевич Тимирев. Муж в том же году с должности командира учебного судна «Верный» получил назначение в штаб Командующего Балтийским флотом адмирала фон Эссена. Немец по рождению, адмирал держался англо-французской ориентации, и, по словам русских офицеров, многое сделал для подготовки флота к выполнению программы боевых действий на случай войны с кайзером Вильгельмом. Новая должность Тимирева называлась флаг-капитан флота по распорядительной части. Вместе с новой должностью Сергей Николаевич получил очередной флотский чин: контр-адмирал. К этому времени сей «морской волк» имел на своей груди ордена семи закордонных государств. Про французскую награду я уже упоминала. Всеми ими он заслуженно гордился, а вот последней, отечественной, был недоволен! Более того, муж изменил своим правилам о сохранении военной тайны и рассказал в этот раз о причине своего последнего награждения.

«Дивные дела твои, Господи!» — только и могла подумать я после рассказа Сергея Николаевича! Посудите сами.

Поздней осенью 1914 года, ночью, пробившись сквозь первые снежные шквалы, появился на рейде Архангельска в 30 милях от берега караван английских кораблей, бросивших якорь в ледяные воды Белого моря. Вскоре к борту флагманского корабля «Дрейк» подошли скрытно, без единого сигнального огня, два наших тяжело груженных лихтера.

Под покровом северной вьюжной ночи на английский корабль с русских лихтеров были быстро перегружены тяжелые, тщательно пронумерованные и промаркированные ящики со... слитками золота! Российского золота на сумму 75120000 золотых рублей, чтобы их обменять в банкирской Англии на 8000000 фунтов стерлингов для оплаты поставок амуниции и оружия с берегов туманного Альбиона на туманные берега Кольского полуострова... Мой муж считал эту операцию царского правительства прямым предательством по отношению к России...

— Наши оружейники и ткачи,— рыдал дома контр-адмирал в состоянии очередного опьянения,— за такие деньги сделали бы быстрее и лучше! А как эти скоты из правительства думают привезти из-за моря оружие и амуницию? Анна Васильевна, умный ты мой боцман семейного корабля, свистать всех наверх! Прямо по курсу — измена Отечеству.

— Есть, свистать всех наверх, Ваше высокопревосходительство,— покорно отвечала я командиру семейного корабля,— но разрешите обратиться, адмирал, с советом?

— Ррр-разрешаю-ю... Но за разглашение военной тайны — трр-рибунал!

— Изменники подсыпали в питье командиру дредноута сонное зелье! Корабль останется без капитана перед рифами, если действие зелья к рассвету не обезвредит сном!

— Прр-равильно, боцман! Прика-зываю бить склянки к отбою! Юнга!

— Есть адмирал,— вытягиваюсь я «во фронт» на полном серьезе, и «жертва из-менников» покорно следовала в каюту... То бишь в спальню...

До начала войны с Германией мы с Сергеем Николаевичем жили в Петрограде, а теперь ему пришлось переехать в Гельсингфорс. Когда я его провожала однажды на вокзал, мимо нас стремительно прошел невысокий, широкоплечий офицер. Тимирев сказал мне:

— Ты знаешь, кто это?

— Нет,— ответила я.

— Это Колчак-Полярный. Он недавно вернулся из северной экспедиции.

У меня осталось в тот день впечатление стремительной походки, энергичного шага признанного кумира российской молодежи.

Сын морского офицера Василия Ивановича Колчака рано решил стать моряком. Учился в Морском Кадетском корпусе, куда был переведен в 1888 году из классической гимназии. Кроме военного дела, Саша увлекался точными науками и заводскими делами. Слесарное ремесло изучил в мастерских Обуховского завода, где его отец представлял Морское ведомство, потом там же был заводским инженером. Молодой морской офицер с 1895 года участвовал в нескольких заграничных плаваниях, самым большим из которых было трехгодичное плавание на крейсере — в водах Тихого океана. Академия наук организовала в 99-м году Русскую полярную экспедицию под началом барона Э. Толля на шхуне «Заря». С января следующего года Александр Колчак учился у норвежского полярника Ф. Нансена в городе Христиании. В Норвегии и началась биография Колчака-Полярного на купленном там судне «Заря».

В экспедиции он исполнял должности гидролога и второго магнитолога. (Я не очень понимаю значение этих мудреных слов и употребляю их лишь ради правдивости моих записок, услышав их вначале от Тимирева, а затем и от самого Александра Васильевича). В 1902 году «Заря» была раздавлена льдами и не имела запасов угля, поэтому «господа ученые» были сняты с неподвижного судна пароходом «Лена» и через Якутск вернулись в столицу Российской империи. Уместно сказать, что отважные исследователи ледяного царства не гнушались принимать участие в снятии «Зари» с мели, в сборе плавника, а когда ездовые собаки не в силах были тащить груз,— сами впрягались в ямки нарт! В сплошном снегопаде, насквозь промерзшие, храбрцы вынуждены были часто залезать в... ледяную воду — бррр!!! — дабы пережить шторм в хаосе движущихся льдин, а потом отсыпаться на льдинах во время штиля. О Господи, спаси нас и помилуй!

Благодаря своим настойчивым просьбам отважный полярник был отправлен в Порт-Артур. Боцман шхуны «Заря» Бегичев пожелал сопутствовать командиру и в Японском море, на суровом поприще. В Порт-Артуре Колчак служил на кораблях, затем командовал береговой батареей. В боях был ранен, попал в японский плен, откуда через Америку вернулся Петербург в апреле 1905 года. 10 января 1906 года на соединенном заседании Императорского Русского Географического общества научный совет присудил отважному и благородному сподвижнику барона Э. Толля Большую золотую Константиновскую медаль «за необыкновенный и важный географический подвиг — совершение которого сопряжено было с трудом и опасностью».

— В последующие годы,— восторженно рассказывал мой муж,— Колчак служит в действующем флоте: в минной дивизии, затем флаг-капитаном по оперативной части в штабе фон Эссена. С весны 1914 года отважный полярник сосредоточился на ускоренной подготовке флота к началу боевых действий. Он придумал морские мины!

Опытный гидролог и магнитолог участвовал в разработке и в своевременном осуществлении первого боевого задания Балтийскому флоту — закрыть сильным минным полем вход в Финский залив. В штабе фон Эссена мой муж и Полярник, оба флаг-

капитаны, оба контр-адмиралы, часто встречались. И не иначе, как перст судьбы моей счастливой указал нашему товарищу Николаю Константиновичу Подгурскому, — тоже награжденному за подвиги в боях с японцами пятью орденами и Золотой саблей «За храбрость», — пригласить меня с Сергеем Николаевичем к себе в гости!

И Александр Васильевич был там.

Война на море не похожа на сухопутную. Моряки среди неба и воды или гибнут вместе с кораблем, или возвращаются на земную твердь из похода в привычную обстановку приморского города! И тогда для них — это многодневный праздник! А я приехала из Петрограда 1914—15 годов, где не было ни одного знакомого дома не в трауре: в первые же месяцы войны генералы-бездари во главе с Великим князем Николаем Николаевичем уложили на полях сражений всю русскую гвардию. Почти все мальчишки, с которыми мы встречались в ранней юности, погибли... В каждой семье кто-нибудь был на фронте, от кого-то не было вестей, кто-нибудь ранен, а кто и убит! И все это камнем лежало на сердце. А тут, в Гельсингфорсе, люди были другие, — они умели радоваться, тогда как я с начала войны разучилась. Мне был 21, с меня будто сняли мрак и тяжесть последних месяцев, мне стало легко и весело.

Не заметить Александра Васильевича было нельзя: где бы он ни был, он всегда был центром. Он прекрасно рассказывал, и о чем бы он ни говорил — даже о прочитанной книге — оставалось впечатление, что все рассказанное им пережито самим. Как-то так вышло, что весь вечер мы провели рядом, о чем тоже распорядилась в тот день счастливая моя судьба... Непонятно почему я так говорю? Да что ж тут непонятного, Господи Боже мой!

Влюбилась я в Александра Васильевича! Влюбилась!!!

Екатерина Абрамычева
(ст. Горбачево)

ПУЧОК ТРАВЫ СТЕПНОЙ
(Фантастический рассказ)

Красное солнце медленно опускалось в лиловые тучи.

Поднимался ветер, и ковыль до горизонта казался толи стелющимся туманом, толи серебристым морем, не успевшим отдохнуть от дневной жары. Излука Непрядвы приближалась, отмеченная купами склонившихся ракит, и Димир пожалел коня, спешил и повел в поводу. Золотисто-рыжий Карим был столь же вынослив, сколь быстр, просто купаться они любили оба до самозабвения. А потному — в воду... много ума не надо.

Нагревшаяся за день вода в укромной заводи была ласковой и прозрачной. Купались долго и с удовольствием, чуть горчившим от осознания того, что каникулы кончатся послезавтра. И если завтра будет дождь, то...

Карим, конечно, будет скучать. Его не возьмешь с собой на Антру. Глядишь, отвыкнет за год и будет дичиться, гордец, все забудет (а то вдруг еще запомнит и не простит?..) Бабушка Таня даже вздохнула украдкой, дескать, лучше бы внук с девчонками гулял...

— О чем задумался, пресветлый княже?..

Устинка сидела там же, где и вчера, в развилке дальней ракиты, со вчерашней толстой книжкой в руках. Димир хотел было спросить, открывала ли она ее вообще, но с грубостей начинать разговор был с детства не приучен. Тем более с девчонками. И тем более с такими.

Справедливости ради он вообще на каникулах с земными девчонками не общался. Они сразу делали большие глаза, шептались, хихикали и несли откровенную чушь, перемигиваясь друг с дружкой по всякому поводу и без. Особенно без. На Антре было как-то проще. Там таких, как он, уже четырнадцать человек. Правда, все моложе, кто на год, кто на два... И все, как братья.

Не то, что здесь.

— Здравствуй, Устина. Я тебя не заметил. Извини.

— Сдуреть, какой ты вежливый, Васильев. Сразу видно, инопланетное воспитание! Тутешние такими не бывают.

— Тебя это радует? — Димир вылез из воды и натянул футболку прямо на мокрое тело. Купаться ему почему-то расхотелось.

Чего ей здесь надо вообще? Без нее было так спокойно!

— Я констатирую факт.— Устинка фыркнула и пожала плечами.— Девки просто тащатся от твоих сиреневых глаз, как будто в них все и заключается. Ах-ах! Ахополлон-Ахополлон... Купанье красного коня на фоне Красного Холма! Майка, раскрашенная под кольчугу,— ширпотреб и моветон, придумано для тупых туристов, не знай?

— Во-первых, Карим не красный, а рыжий...

— *Игреновый*, княже, классику читать надо! И знать, что на твоём родном языке «красный» — когда-то означало «красивый»... И вообще, так одна картина называется

ся, не помню» кто написал! — она перелистнула страницу.— Кстати, что во-вторых, Владимир Святославович?

— У тебя книжка вверх ногами,— Дим подумал и добавил.— А «Купанье Красного Коня» написал Петров-Водкин. Мне не нравится.

Устинка заткнулась минуты на три. Димир успел даже кроссовки зашнуровать. Смеркалось.

Что, интересно, она видит в своей книжке в густой листве?!!

— Кончай глаза портить. Слезай...

— Отстань. Я гадаю.

— Я тебе и так скажу, что меня здесь завтра не будет.

Устинка захлопнула книжку и спрыгнула вниз. Вытертые добела укороченные джинсы, черная майка в заклепках, самодельные браслеты до локтей. Штук пятнадцать косичек до пояса. И босиком. Дим тоже с детства любил бегать босиком. Просто Земля — не такая благоустроенная планета, как Антра. Особенно в глубинке, где из земли много лет вылезает всякая пакость, и можно с равным успехом пораниться и о битое стекло, и о колючую проволоку, и о наконечник копья. Взбешенная Устинка едва доставала ему до плеча и смотрела на него снизу вверх, кусая губы. Дим подумал, что если она вцепится ему в волосы, придется применять прием, а это уж будет совсем ни к чему. И что такой взгляд бывает у отличницы-одиночки. Дерзкий, независимый — и беззащитный одновременно.

— У меня каникулы закончились,— Димиру почему-то расхотелось ссориться.— Послезавтра улетаю. Поэтому и задумался. Понятно?

Устинка отвернулась. Она была сейчас совсем не похожа на себя вчерашнюю, ту, которая так самозабвенно горланила какую-то распевную песню про коня, с которым идут по полю вдвоем. И уж тем более была не похожа на всех остальных. Может быть, поэтому и сидела в ветвях ракиты над рекой в одиночку?

— А Карим? — Устинка сунула книжку в холщовую сумку.

Димир промолчал. Игреновый красавец-конь пил малиновую воду. Светлая грива выделялась на ярко-рыжей шкуре, помнится, вчера он пообещал заплести ее в такие же мелкие косички.

— Приручил — и улетаешь, да? Инопланетянин... Разве так поступают?..

— Поступают.— Дим сощурился.— И не только с лошадьми. Будто не знаешь, как это бывает...

Устинка дернула плечом и пошла прочь по малиновой воде.

Хорошо быть максималистом, черт побери, да?

Без нее было так спокойно!

И Карим, зараза, всю гордость растерял, стоит, как теленок, пока его девчонка гладит. Димира сперва четыре дня к себе не подпускал.

Димир говорил по-русски с рождения чисто и без акцента. Но его учителями и собеседниками были взрослые образованные люди. Они правильно строили фразу, употребляли умные слова, говорили логично, красиво и четко. Молодежный слэнг своей второй родины Димир знал плохо. Потому и сторонился всяческих компаний. Потому и смотрели на него, как на диковину. А вовсе не потому, что, судя по придушенным вздохам глянцевого девчачьих журналов, «он унаследовал богатырскую статью отца и фантастическую красоту матери». Устинка права — не в сиреневых глазах суть...

— Тьма надвигается с Востока,— подвела коня девушка.— Пойдем, Мустанг-Карим, сын Рохиррима. До грозы домой попасть надобно,

— А... откуда ты знаешь, как его зовут? — Дим даже ушам своим не поверил.

— Так это я его назвала. Три года назад,— Устинка засмеялась.— Мне Павел Игнатич лошадей доверяет. У меня донские казаки в роду. Пойдем. До Монастырщины нам по дороге.

— А почему я тебя у него ни разу не видел?

— Потому что на летние раскопки до шестнадцати лет не берут,— пояснила девушка.— Я в летней экспедиции первый раз. До этого все больше осенью, в туристский пик музею помощники нужны. Народу здесь столько бывает, что того и гляди наши ковыли повытопчут, орда обзавидовалась бы... И зимой, с фольклорной группой. Зимой интересно, оружейники приезжают, барды...

— Земля — молодая планета... — пожал плечами Димир.— На ней есть, что искать. Это хорошо.

— А у вас, что, скука смертная?

— Я не похож на землянина, да?

Устина смутилась. Наверное, вопрос был задан слишком резко. И его следовало смягчить. Или хотя бы пояснить.

— Ты счастливая, Устинка, ты здесь живешь. Тут все твое, понимаешь? Плохо ли, хорошо ли,— но твое. У тебя здесь дом, друзья, лошади, речка с ракушками, ковыли, раскопки... Песни, которые ты поешь, книжки, по которым гадаешь, браслетки, которые вы друг дружке дарите... Душа твоя здесь, понимаешь?

— Да откуда ты знаешь, где моя душа, Димир?.. Может, ей вовсе не это нужно...

— А ты береги, что есть. Не висела меж двух миров? Ну и не приведи Богиня...

— «Не приведи Господи»,— привычно поправила Устинка и, вздрогнув от дальнего раската грома, глянула на небо.— Прибавим шагу, князь, мокнуть неохота! Мне еще километра полтора...

— Садись верхом,— придержал Карима Дим.— *Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами степную даль...*

— Отец научил? — Устина не стала отказываться, привычно и ловко взбираясь в седло.— А сам?

— А я — бегом.

— Да я не об этом!.. Сам — неужели не чувствуешь? Или компьютер в башке? Ведь ты же русский, Володя, хоть и зовут тебя *Димир*. Ну, необязательно надевать кольчугу и креститься на золотые купола, хоть это, говорят, и помогает... Это внутри должно быть, как звон колокольный... Чтоб уехал — и болело внутри, без этого ты не русский. Так... принц-полукровка меж двух миров.

Белая молния распоролла небо от зенита до горизонта. Карим всхрапнул и дернулся. Быстро темнело.

— Вперед! — скомандовал Дим.— Трэкс!

Ветер бил в лицо, и ковыль трепетал и стлался понизу, как облака, подсвеченные вспышками молний. Алая полоска зари еще слабо светилась на горизонте. Вместе с порывами ветра, как призраки, прилетали всплески колокольного звона со звонницы храма Сергия Радонежского. Редкие машины чертили фарами асфальт старой дороги справа. Огни Монастырщины слабым заревом светились впереди за горизонтом. Димир бежал быстро, легко и ровно, если б всегда ему на Полигонах в свое удовольствие так бегать... Наверное, это было бы счастьем,

— *И всадиши его на конь,— в полный голос кричала Устинка,— и вострубиши на костехъ с радостю велию, и рече ему князь Володимерь Андреевичъ: «Веси ли, колико бысть божиа милости и пречистыя его матере на нас, яко и где недоходиши наши вои, и тамо множество татаръ избиено бысть невидимо божиею силою, и пречистыя его матере, и великаго чудотворца Петра, и всех святы. Бысть бо, яко в девятыи часъ бьющемся, и мнози вернии видеши ангели помогающе христианомъ, и святыхъ мученикъ полки, и воина великаго Христова Георгия, и славнаго Дмитрия, и великихъ князей русскихъ святыхъ мученикъ Бориса и Глеба, в них же бе и воевода свершенаго полка небесныхъ силъ великий архистратигъ Михаилъ...*

Ветер подхватывал и уносил полупонятные слова прочь, молнии полосовали небо, густая трава глушила шаг. Крутой взгорок взяли в лоб, и Устинка перевела коня

на шаг. Проселочная дорога впереди разветвлялась. Самодельный указатель блестел флуоресцентной краской. «ЛЕГЕНДА», 125-я краеведческая и 115-я археологическая экспедиции. Чуть пониже был прибит декоративный узорный щит, на котором металлом отсвечивала надраенная надпись: «ГАРДА», клуб оружейников, Тула. Тропинка уходила влево, за перелесок,

— Спасибо.— Устинка спрыгнула с коня залихватски, ногой через гриву, как заправский ковбой.— Дальше я сама. А то Петрович враз нарядов на кухню навешает, зачем тебе это слушать...

Дим улыбнулся. Оказывается, здесь тоже есть самоволки... Сказал, выравнивая дыхание:

— Я могу восстановить справедливость. Ты учила полукровку национальному самосознанию. Это важно.

— Да брось... Выпендрей и бравада. Просто если девчонки тебя со мной увидят,— спать потом не дадут!..

— Значит, так далеко твой выпендрей не заходит, да?

Устинка не ответила, поглаживая шею коня. Порыв ветра принес первые капли дождя. «Тинка!!! — закричали на три голоса в перелеске.— Тинка!!! Ты где?!!! Ау!!!» Мелькнули отсветы фонарей среди деревьев.

— Это за мной... — вздохнула девушка.— Держи.

И, сняв с левой руки браслетик, протянула его Димиру.

— Спасибо.

— Если всю ночь будет дождь, то раскопок не будет. Будет дружеский треп. Приходи в гости?

Дим не ответил.

— Ну, пока...— и она убежала в темноту по тропинке, не желая дожидаться ответа. Наверное, боялась его услышать.

«Тинка!!! У тебя на плечах голова или кочан капусты?!!! На небо глянь, оглашенная... — Да что со мной будет, Серафим Петрович, не сахарная, не растаю! — Вот будешь завтра полдня картошку чистить... — Я полезных перспектив никогда не супротив. Самое княжеское дело! — Ковалев уже час тебя по всей округе ищет! — Ищите и обрящете, толщьте и отверзнется вам... — Вот сейчас ливень как отверзнется...»

Голоса стихли. Димир вздохнул и пошел прочь.

По закону вселенской подлости друзья появляются именно за пару дней до разлуки. И привязывают тебя невидимым канатом, чтоб уехал — и болело внутри. И разрывало на части между мирами.

Дождь лил, как следует, Димир шел, не торопясь, вел коня в поводу. Одежда промокла насквозь, в кроссовках хлопало. Ему было все равно.

Никуда он завтра не пойдет. И не потому, что придется вместе с Устинкой чистить картошку на всю ораву. И не потому, что вся честная компания будет хихикать, переглядываться и задавать примитивно-глупые вопросы. И не потому, что дружеский треп на смеси церковно-славянского языка и молодежного жаргона ему непонятен или неинтересен...

А потому, что ему нужно совсем другое. Заводь, малиновая вода, и Устинка в листе с книжкой, перевернутой кверху ногами.

Потому что эта Устинка — настоящая.

И сам он вместе с ней — настоящий.

Хотя, что значат два дня в шестнадцать лет? Мелочь.

Вроде того браслетика, что до сих пор крепко зажат в кулаке.

Чар-джантар Владимир Васильев-Уно, оказывается, хорошо помнил, что на нем изображено.

Перламутрово-серебристая метелочка восстановленного степного ковыля из окрестностей Куликова Поля...

Ирина Дезире
(г. Плавск)

НОЧЬ ПЫЛАЮЩИХ ЗВЕЗД

Я металась по клетке — за ней бесновалась толпа, ожидая скорого развлечения. Неизвестно, чем закончится этот бой. Только я точно знаю, что он будет последним. Я могу погибнуть, но если останусь жива, то именно сегодня вечером я встречу с тем, кого люблю, чтобы остаться с ним навсегда. Так мне предсказано. Сегодня снова наступает Ночь Пылающих Звезд. До следующей такой Ночи мне не дожить.

Самой не верится, что все это случилось со мной. Ночь Пылающих Звезд разделила мою жизнь на две части, изменила мое тело и внесла смятение в мою душу. Многие теперь мне стало ясным и понятным, но, увы, многого уже не изменить. Нет смысла сожалеть о прошлом, надо думать только о будущем, но... ведь я — *пантера*, которая раньше была человеком. Долгое пребывание в зверином обличье накладывает свой отпечаток на мысли и чувства. Только любовь к Золтану и надежда на встречу с ним в Ночь Пылающих Звезд, помогает не свалиться в черную бездну безумия.

Воспоминания терзают мой мозг и покидают меня лишь во время боя. Так ли уж хороша была моя прежняя жизнь, чтобы стремиться ее вернуть? Раньше я легко и красиво могла выражать свои мысли и чувства: окружающие до небес превозносили мой голос и ум. Но теперь я способна лишь рычать, а тонкие пальцы, записывавшие изящную вязь пламенных строк, превратившись в могучие лапы, рвут добычу на части. Теперь я смутно помню мое детство — только чувства: заброшенность и одиночество. Я была в поселении никому не нужным сорняком — сирота, неизвестно откуда забредшая. Моими друзьями были животные и растения. Я понимала язык птиц и цветов, ветра, солнца и звезд, любила слушать их пение и рассказы об этом и других мирах. Я научилась слагать стихи и песни, а мои друзья мне подпевали. Окружающие считали меня блаженной, дурочкой, некоторые — издевались, некоторые — сторонились, некоторые — жалели, изредка давая старую одежду и немного еды в благодарность за мою помощь в излечении их скота. Но с тех пор, как у меня появился Золтан и вырос, все жители поселения старались не попадаться нам навстречу, прячась в домах, захлопывая окна и двери при виде девушки с огромной кошкой золотистого цвета.

С тех пор, как Золтан защитил обывателей от набега туриков, не пустив в поселение кровожадных разбойников, он получал от жителей в знак признательности каждый восход вдоволь мяса.

Турики держали в страхе всю округу, от них не было спасения. Они вихрем налетали из степи, забирали все более-менее ценное, коней, молодых девушек. Ни откупы, ни мольбы не помогали. Каждой женщине, послужившей им развлечением, уродовали лицо. Пытавшихся сопротивляться, не важно — мужчин или женщин, медленно убивали, отрезая кусок за куском, заставляя родных есть сочащуюся кровью плоть. Если было нечего или некого взять — сжигали все селение.

Тогда нам повезло: туриков было против обыкновения мало — десятка четыре.

Люди работали в поле, мы с Золтаном играли неподалеку. После крика сторожей: «Турики идут!» — все бросились врассыпную, а у меня от страха отнялись ноги, и я не могла сделать ни шагу. Я уже вошла в возраст и боялась плена, тем более что ни от кого не могла ждать защиты. Жители поселения с радостью избавились бы от меня, лишь бы остались целы их дочери. Замерев от ужаса, я наблюдала за приближающейся лавой. Но золотой молнией метнулся Золтан, защищая меня, сбивая туриков наземь, калеча, но — не убивая! И турики, завидев Золтана, сами бросались с коней, закрывая голову и моля о пощаде. Они не сделали ни одного выстрела, ни разу не взмахнули мечом, а лишь униженно стонали: «Пощади, Великий!»

Золтан безошибочно нашел вожака, поставил ему лапу на шлем и издал могучий рык, первый за время битвы. О, как он был страшен! Я испугалась бы его, если бы не знала, как Золтан любит меня. Но, тем не менее, дрожь охватила меня, — восхищение и преклонение перед могуществом зверя, любовь и гордость, опасение за его жизнь переполнили мою душу, и я, обессилев, опустилась на траву и заплакала. Золтан в одно мгновение очутился со мной рядом и стал целовать меня в мокрые щеки. Другого слова я не могу подобрать! Он — зверь! — не может этого делать, и все же он — делал!.. Я обвила его шею руками и заглянула в завораживающую бездну ярко-зеленых глаз. И такая там была любовь и мука, что я еще сильнее зарыдала, уткнувшись в золотую шерсть. Золтан стоял неподвижно, теперь его сотрясала дрожь. Мы забыли обо всем на свете, о том, что нас окружают турики и странно закончившийся бой.

Я подняла голову и впервые увидела разбойников так близко: да, странные лица, не похожие на лица жителей поселения, другими были одежда, оружие, цвет кожи, волос. Мечи — как огромные звериные когти или зубы, одежда — как вторая кожа, самых разных оттенков от снежно-белой до непроглядно-черной, однотонная, пятнистая или мохнатая. Солнце на миг померкло в моих глазах, и я увидела вокруг себя зверей, настороженно выжидающих. Золтан пошевелился, и наваждение исчезло. Мой друг осторожно высвободился из моих объятий, сделал шаг и что-то тихо и невнятно прорычал, совсем не как обычно, наверно, чтобы я не поняла его речь, но вожак туриков, видимо, все прекрасно понял. Он склонил голову и взмахом руки отослал остальных. Золтан еще раз что-то тихо прорычал вожаку, согласно кивавшему время от времени. При намеке на несогласие, рычание становилось громче. Турик внимательно рассмотрел меня, запоминая, снял с руки браслет и знаком велел мне его надеть. Я взглянула на Золтана — и подчинилась. Браслет удалось закрепить только высоко над локтем. Турик показал, чтобы я спрятала браслет под одеждой и никому о нем не говорила. Золтан подтвердил это распоряжение кивком. Турик низко поклонился Золтану и вместе со своими воинами умчался, как я поняла, выполнять распоряжения необычного зверя.

Но с этого полдня наши отношения с Золтаном изменились. Мы по-прежнему были вместе, но из общения исчезла легкость и непринужденность, потому что поведение Золтана все больше стало напоминать человеческое. Он стал похож на ревнивого жениха — его глаза неотступно следили за каждым моим шагом, а чуткие уши ловили каждое слово. Мне дозволялось теперь разговаривать только с женщинами, ни один мужчина от десяти лет и старше не смел даже взглянуть на меня. По нашему молчаливому уговору я стала купаться в заповедном озерце одна, а Золтан караулил за деревьями, готовый в любой момент отвадить дерзких соглядатаев. Все чаще я ловила не себе его обжигающий взгляд, и непонятная тоска охватывала меня. Мне хотелось, чтобы Золтан опять утешал меня, чтобы мои пальцы скользили, как раньше, по его огненному меху. Будущее пугало своей неизвестностью, потому что я не понимала себя, но понимала Золтана. Он признался мне в любви, когда перед туриком целовал меня, и этот браслет соединил нас навек крепче самой надежной цепи. Я любила Золтана, а он меня. Я мечтала, чтобы Золтан стал человеком, ведь тогда мы могли быть счастливы. Я без конца молилась про себя, чтобы мое желание исполнилось.

*Золтан! Солнце мое!
Ты мне нужен навеки!
Я хочу, чтоб, как ласковый ветер,
Ты меня целовал,
Чтоб пьянили твои поцелуи!
Чтоб твое золотистое тело,
Напоенное силой дневного светила,
Мою ждущую кожу
Любовным огнем опалило!
Золтан! Солнце мое!
Золотое любовное пламя
Разожжет этот пламень безумных объятий!
Золтан! Солнце мое!
О, любовь моя вечная, Золтан!
Я зажгу сотни солнц,
Осушу океаны силой страсти своей,
Но бессильна
Придать человеческий облик
Тебе, мое солнце,
Чтоб навеки с тобой разделить эту жизнь,
Чтоб навеки с тобой остаться!
Золтан! Солнце мое!
Сколько ж можно скитаться
По земле двум мятущимся душам,
Разделенными Ночью Пылающих Звезд,
Обреченным на вечную муку?!
Кто разрушил тот Мост?
Кто обрек нас о тобой на разлуку?
Золтан! Солнце мое!
О любовь моя вечная, Золтан!*

В последнее время я стала замечать, что Золтан как-то странно себя ведет, словно предчувствуя что-то. Неужели вновь набег? Уже три десятка восходов мысли о туриках и Золтане не оставляют меня. Почему они, моля о пощаде, называли Золтана — «Великий»? Почему не подняли оружия против зверя, калечащего их? Почему Золтан не убивал туриков? О чем он разговаривал с вожаком, стараясь, чтобы я не поняла его речь? Почему Золтан велел турику отдать мне этот браслет? Почему? Почему? Почему? И через два восхода я получила ответы на часть моих вопросов, хотя появились и новые.

Недалеко от нашего поселения проходил караванный путь. Постоялый двор содержал мужик по прозвищу Загребайло, и это имечко как нельзя лучше отражало его характер,— наше поселение принадлежало ему, как и еще два, по другую сторону от караванного пути. В этот восход за мной с Золтаном прислали. Загребайло велел явиться к нему, чтобы помочь очень важному гостю. Интересно, чем мог помочь Золтан?

При нашем появлении глаза Загребайло сначала расширились, затем сузились.

— Пойдемте, вас ждут,— пробурчал хозяин и провел нас в полутемную комнату.

Там стоял старик с горящими желтыми глазами на темном лице. Ореол коротких пушисто-белых волос делал его похожим на состарившегося желтоглаза. Так и хотелось подуть на него, чтобы семена на белых крылышках разлетелись. Золтан подошел и потерялся о длинный черно-звездный плащ гостя. Старик потрепал голову Золтана, почесал ему за ушами:

— Ну, здравствуй, Огневик!

— Я зову его Золтан!

— Помолчи, Колючка, дойдет и до тебя черед. Как тебе жилось, Огневик? Ну, ничего, еще не поздно все исправить, для этого-то я здесь и оказался. Не волнуйся: твою Колючку я помещу на хорошую землю. Ей там понравится. А пока ступай, о тебе позаботится Лучано.

Неожиданно для меня от стенки отделилось что-то абсолютно черное — молодой человек с таким же темным лицом, как и у Желтоглаза, закутанный в черный плащ, поклонился старику, открыл дверь и вышел, пропустив вперед Золтана, который беспрекословно подчинился старику.

— Ну, Колючка, рассказывай: как к тебе попал Огненный Кот?

— Я зову его Золтан! — еще раз повторила я.

— Подходяще — и по цвету, и по характеру. Хотя и вредно — и для него, и для тебя. Как же тебе удалось все перевернуть с ног на голову и выткать новый узор судьбы, вопреки всем предсказаниям?

Но что я могла рассказать ему, если сама ничего не понимала во всей этой истории?

Желтые глаза старика вдруг опалили меня, превратившись в два солнца, высветившие все закоулки моей души. Затем они притушили свой блеск, став обычными человеческими глазами, и даже спрятались под полуопущенные веки.

— В это трудно поверить... — еле слышно прошептал старик, сочувственно вздохнул, но еще раз повторил вопрос. — Как к тебе попал Огненный Кот? И как ты сама оказалась здесь?

— Я не знаю кто мои родители, откуда я появилась здесь. Зовут меня Сирена за цвет глаз и мои песни, а как звали меня раньше — я не знаю. Почти три года назад я нашла Золтана крохотным котенком после страшной бури, когда ветер срывал с неба пылающие звезды. С тех пор мы неразлучны. А совсем недавно он спас меня от туриков.

— От туриков?.. Тебе не...

— Показалось странным его поведение?

— И в чем же, по-твоему, выражалась эта странность?

— Ну, он никого не убивал, его молили о пощаде, называя «Великим», он разговаривал с предводителем туриков и приказал ему надеть на руку мне этот браслет. И...

— Продолжай!

— И он поцеловал меня... И мы потом стали стесняться друг друга, словно... преступили Закон.

Я не поняла, как осмелилась открыть чувства Золтана этому человеку, вместо того, чтобы признаться в своих.

— А ты любишь Золтана?

— Больше всего на свете.

— И ты согласна сделать для него все, что в твоих силах?

— Да, — без малейшего колебания ответила я.

— Хорошо, я запомню это. А сейчас ты поедешь со мной.

— А Золтан?

— Пока он будет с нами. Переоденься.

Желтоглаз показал на маленький сундучок с откинутой с крышкой. Я вынула охапку странных одежд, напоминающих на ощупь мех Золтана и хотела выйти, чтобы где-нибудь переодеться, но Желтоглаз остановил меня:

— Нет, здесь, при мне. Приставать к тебе я не собираюсь, но должен видеть тебя всю. Представь, что ты сейчас одна.

И опять я легко подчинилась этому человеку, без малейшего стеснения сбросила свои лохмотья на пол.

— Подними волосы и медленно повернись,— последовал новый приказ. И его я выполнила. Желтоглаз еще раз печально вздохнул, толи обнаружив во мне какую-то ущербность, толи почему-то еще жалея меня.

Я натянула нечто, напоминающее мужские штаны, но только тонкие, облегающие. Чтобы надеть кофточку, мне пришлось снять браслет турика — настолько узки были рукава, доходящие до самых запястий, да и сама кофточка облегла торс, а для каждой груди была сделана как бы чаша. Большой вырез открывал ключицы и доходил до ложбинки между грудями. Ничто не сковывало движений, не давило, не тянуло, как будто было сделано для меня. Когда я собиралась пристроить браслет турика поверх рукава, Желтоглаз взял его у меня, повертел в руках и отложил в сторону. Тут же послышалось шипение и моих босых ступней коснулось холодное тело змеи, которое медленно стало подниматься, сначала по ногам, по туловищу, обвилось кольцами шею, и вот ее голова легла в ложбинку между грудями. Тонкий язычок коснулся неожиданно вспотевшей кожи, как будто принимая жертву, а затея змея застыла золотым ожерельем, превратившись в живое украшение.

— Теперь она будет тебя хранить,— пояснил Желтоглаз.— Ей не страшна любая сталь. Другие будут видеть лишь золотое ожерелье, но только ты будешь знать, что она — живая. Советуйся с ней, если будет трудно.

Я завершила переодевание, накинув на плечи черный легкий плащ с капюшоном, который будет скрывать мою фигуру до колен. К этому наряду прилагались великолепные черные сандалии без задников, напоминавшие своими украшениями лапу Золтана — с золотыми когтями. Высокий каблук был для меня непривычен — некоторое время я с трудом сохраняла равновесие, а затем, как по волшебству, все изменилось. Я с легкостью прошла по комнате, ощущая себя рожденной заново, чувствуя себя в этой одежде царицей мира.

Желтоглаз с удовлетворением смотрел на меня, ему тоже нравился мой новый вид. Он хлопнул в ладоши — отворилась дверь, и вошел Лучано.

— Уложи ей волосы.

Я присела на сундучок и предоставила Лучано возможность привести в порядок мою «гриву». В мгновение ока мои волосы были расчесаны и уложены в замысловатую прическу, перевитую золотыми лентами.

Когда же, закончив работу, Лучано внимательно рассмотрел меня — лицо, фигуру, змею на шее, он выдохнул с восторгом:

— Тера! Мы наконец-то нашли ее, господин! — и, склонившись, поцеловал мне правую руку. Затем повернулся к Желтоглазу и взволнованно спросил: — А как же Огневик?

— Будем надеяться, что все еще можно поправить. Отнеси эти лохмотья и впусти... Золтана.

Я волновалась, понравлюсь ли Золтану в новой одежде. Неслышно скользнувший в дверь Огненный Кот, обошел вокруг меня, затем повернулся к Желтоглазу и кивнул, одобряя мое преображение.

Я была разочарована. И это все? Он даже не посмотрел мне в глаза, как будто я была истуканом. Я схватила его за уши и повернула к себе.

— Ну, как тебе мой новый облик? Нравится это богатство на мне или тебе все равно? Посмотри же мне в глаза, Золтан!

Какое пламя полыхнуло мне навстречу! Какая любовь горела в этих ярко-зеленых глазах и мука от невозможности быть вместе. Я опустилась на колени и прижала к груди золотую голову моего друга:

— Ты любишь меня, Золтан! Все-таки любишь! Солнце мое, Золтан!

Слезы счастья стекали по моим щекам и падали на Золтана, который еле заметно вздрагивал от каждой капли, но по закаменевшим мускулам я судила, чего стоила

ему эта сдержанность! Если бы он был человеком, я тут же призналась ему в своей любви. Но ведь все было не так, и моим надеждам на счастье не суждено сбыться! Я подняла голову и с вызовом посмотрела на Желтоглаза и Лучано — немых свидетелей этой сцены: у них блестели глаза от непролитых слез сочувствия.

Вдруг Золтан выскользнул из моих объятий и насторожился. Желтоглаз встревожено произнес:

— Быстрее, Лучано, бери вещи, мы немедленно уезжаем.

— Почему так срочно? — вмешалась я.

— Все объяснения — потом!

Я вышла первой, за мной — Золтан, как всегда пристроившись у левой ноги. Лучано помогал идти Желтоглазу, все-таки тот был очень стар.

У Загребайло отвисла челюсть, когда он увидел меня, но негромкий предостерегающий рык Золтана заставил его упасть на колени и прикрыть голову руками. Золтан легко вскочил в необычную для наших мест повозку — ящик с сиденьями и отверстиями в верхней части для обозрения. Сундуки были привязаны сзади на специальной полке, а на такой же полке спереди сидел возница. Желтоглаза усадили на заднее сиденье, я с Золтаном — на переднем, Лучано устроился рядом с возницей. Щелкнул бич — и мы помчались. Из ниоткуда выскочивший отряд туриков окружил нас почетным эскортом. Если и были у Загребайло нехорошие планы в отношении нас, то им не суждено было сбыться; связываться с туриками даже дурак не будет — себе дороже.

Мы мчались со всевозможной скоростью, в которой было наше спасение. Только кто нам мог угрожать? Турики служили самой надежной защитой по нынешним временам. Мало-помалу волнение улеглось, и меня, как и всякую женщину, стало одолевать любопытство. Вопросы так и норовили соскользнуть с моего языка, и мне приходилось прилагать усилия, чтобы молчать. Но когда я уже была готова взорваться, Желтоглаз произнес:

— Ты умеешь ждать, Тера, это хорошо. Но не на все вопросы ты получишь ответы сейчас. Мы едем в страну туриков. Мой помощник Лучано — турик по рождению, он поможет тебе там устроиться. Мы с Золтаном отправимся дальше. Вам лучше быть далеко друг от друга, по крайней мере, сейчас. Лучано займется твоим образованием. Когда настанет время, я вернусь и привезу Золтана.

Я постаралась осмыслить услышанное. Значит, у туриков есть своя страна, но тогда почему же они постоянно совершают набеги на мирные поселения? Зачем им столько женщин? Что, у них своих нет?

— Ты, наверное, не знаешь Тера,— продолжил Желтоглаз,— что у туриков не рождаются девочки. Вот им и приходится постоянно красть невест. Существует предсказание, что однажды в стране туриков окажется девушка, которая снимет это проклятие с целого народа. Лучано расскажет об этом подробнее в свое время.

Мы надолго замолчали. Золтан дремал, положив голову мне на колени, я гладила его шерсть, наслаждаясь этими прикосновениями. Желтоглаз сочувственно смотрел на меня.

— Нам никогда не быть вместе? — обреченно спросила я.

— Вы — вместе.

— Нет, по-настоящему испытать любовь, насладиться телом друг друга.

— Кто знает? Ты многое изменила в судьбах мира, да и в своей, и в судьбе Золтана тоже. Кто знает, какой сложится узор?

— Узор?

— Да, узор судьбы. А теперь помолчи.

— Но потом от этих тайн у меня распухнет голова. Нельзя ли понемногу рассказывать?

— Нет, хотя и голова может распухнуть, и сердце разорваться. Не при нем же

рассказывать вещи, касающиеся его и тебя. Помолчи, мне надо многое обдумать и решить.

В повозке надолго воцарилось молчание.

Три восхода и еще три мы двигались так быстро, как только могли, делая лишь короткие остановки, чтобы сменить лошадей на подставах, да удовлетворить свои нужды, размять затекшие от долгого сидения мышцы. Даже питались нормально лишь два раза за восход.

Лучано изредка менялся с кем-нибудь из туриков, и затем ехал верхом рядом с повозкой с моей стороны, стремясь поймать мой взгляд. Он не был похож на влюбленного, а скорее, на человека, внезапно увидевшего чудо — ожившую богиню. Неизвестно почему эта мысль пришла мне в голову. И, как оказалось в дальнейшем, дело было почти так. Но эта мысль промелькнула, не задерживаясь. Все внимание было подчинено дороге.

Ранним утром и поздним вечером, когда готовилась еда, я ходила вокруг, отдыхая от замкнутого пространства, наслаждаясь прохладой и относительной свободой — всегда кто-то из туриков следовал за мной по пятам. Вот и этим вечером я слушала пение птиц, любовалась цветами, но как-то по-привычке. Прелести природы скользили где-то по краю сознания — все мои мысли были о нас с Золтаном. Я постоянно вспоминала слова Желтоглаза, пыталась понять и предугадать, что нас ждет впереди. Мне так хотелось избежать скорей неотвратимой разлуки. А Золтан и виду не показывал, как ему больно: хотел, наверно, чтобы я не так сильно переживала. А я переживала, да еще как! И не пошла есть.

Желтоглаз спал в повозке, Золтан где-то охотился, турики выставили часовых и тоже уснули. Только я, маятником, ходила от одного дерева к другому и думала, думала, думала.

На мне был необычный костюм — баснословно дорогой из-за своей красоты, практичности и странной материи, которая защищала от ветра и холода, жары и влаги. Почему мне его дали? Почему он мне подошел абсолютно точно, словно был изготовлен только для меня? Почему мне дали это имя — Тера? На кого я похожа? Ведь я точно знала, что отличаюсь от остальных девушек селения — подсказало озеро. По сравнению с ними я была слишком худой, с острыми локтями и коленками, слишком большим ртом, маленькими руками и ступнями, узкими ногтями и бедрами, с маленькой грудью. Волосы черные, как уголь, на свету отливают фиолетово-зеленым, глаза темно-темно-синие в обычное время, но в миг опасности или волнения — фиолетовые. Уши с заостренными кончиками, на бедре странной формы родинка размером с ладонь. Но самым странным было мое...

Неожиданно мои размышления были прерваны тоскливым воем. Почему-то я сразу подумала о Золтане: ему плохо, он жалуется, не решаясь позвать меня и признаться — не полунамеками, а открыто. Золтан! Я люблю тебя! И если тебе нельзя стать человеком, я стану кошкой. Я издала призывное рычание, неожиданно взяв самые низкие ноты: «Золтан!»

Я услышала удивленный ответный рык моего друга и внезапно чуть не оглохла от признаний целой стаи котов самых разных мастей и размеров, окруживших меня плотным кольцом. Одно у них было общее: дикий голод в горящих глазах. Всего лишь мгновение они смотрели на меня, мгновение, принесшее мне спасение, потому что, заслоня меня собой, вперед вышел Золтан и рыкнул так, что у меня заложил уши, а коты с визгом разбежались, признавая бесспорное преимущество моего защитника.

Я с облегчением вздохнула, но когда Золтан, повернувшись ко мне, посмотрел на меня своими говорящими глазами, я снова замерла. Все было сказано без слов, одним лишь взглядом: и что он возмущен моим необдуманным кокетством, что он обижен и

ревнует, потому что я предпочла ему неизвестно кого, что он любит меня и прощает, именно потому, что любит, что просит ответного признания в любви...

Он сделал навстречу мне один шаг, и я, словно подхваченная ветром, бросилась к нему. Опустившись на колени, я взяла его голову и поцеловала в холодный нос, взглянула в ждущие глаза, опаляющие страстью:

— Я не могу без тебя, Золтан. Ты — счастье моей жизни. Люблю тебя.

Мои губы не произнесли этого, но Золтан прочел мои крамольные мысли, продолжая смотреть в мои глаза. Его зрачки так расширились, что на миг мне показалось, что я вижу лицо молодого мужчины, которое стало увеличиваться, но затем внезапно пропало. Только подняв голову, я поняла, почему это произошло — рядом стоял встревоженный Лучано в сопровождении туриков.

— С вами обоими все в порядке? — Лучано был бледен, и от этого его темно-смуглая кожа показалась землистой.

Мне удалось взять себя в руки и почти спокойно произнести:

— Ничего страшного не произошло.

— Но мы слышали рычание... Чем был разгневан Великий?

— Спросите у него.

Я виновато посмотрело в глаза Золтана:

— «Ты ведь понимаешь, что я не могу им ничего рассказать?»

— «Я понимаю. Но это ведь правда, то, что ты сказала?»

— «Что не могу без тебя?»

— «Что меня любишь?»

— «Да».

— «Тогда молчи о нашем разговоре и о нашей любви. Я прошу, не выдай нашей тайны никому, любимая».

Наш разговор занял одно мгновение, мне понравился обмен мыслями, но Лучано встревожился еще сильнее, почувствовав заминку:

— Тера!

Но я уже оседала на землю, ноги не держали меня, кружилась голова, сердце было готово выскочить из груди — я любима!

Лучано бросился ко мне на помощь, но рычание Золтана остановило его.

— Пойми, ей нужна помощь, ее надо отнести в повозку. Ты же ведь этого не сможешь сделать!

Золтан неохотно отступил в сторону и позволил Лучано взять меня на руки и отнести под строгую опеку Желтоглаза. Я не сопротивлялась, меня клонило в сон. Необычный способ разговора истощил мои силы. Желтоглаз встревожился:

— Что случилось?

— Она говорила с ним, — ответил Лучано, устраивая меня на сиденье.

— Ну и что?

— Она говорила с ним *мысленно*, и они прекрасно *поняли* друг друга.

— Уже? — ахнул Желтоглаз.

— Да, и она *звала* его.

Желтоглаз даже подскочил на сиденье:

— Судьба всего мира висит на волоске! Им сейчас нельзя быть рядом! Ни в коем случае!

Как я ни была обессилена, но возмутилась:

— Почему вы так думаете? Почему вы все решаете за нас?

— Ах, уже «за нас»! Вы что, объяснились в любви? Ну, отвечай!

Я молчала, и это был самый красноречивый ответ.

— Глупая девчонка! Ты пока еще Тера только по имени, в тебе еще слишком много от человека, тобой управляют эмоции, а не разум. Ты не готова к испытаниям

и первая же Ночь Падающих Звезд станет для мира катастрофой. И это не все. Ты способна погубить Золтана да и себя тоже этой поспешностью. Если бы у меня в руках еще оставалась какая-то сила, я бы высек тебя, несмотря на то, что ты — Тера. Не смей разговаривать с Золтаном, тем более мысленно. Нет, что я? За этим не проследишь. Выпей-ка это.

И Желтоглаз протянул мне флакон:

— Пей все, до капли. Пей, если действительно любишь Золтана. Это не старческая прихоть, не зависть к молодости.

Мне пришлось подчиниться, мысли закружились колесом и унесли меня в беспамятство...

Когда я смогла открыть глаза — вокруг было темно. Я находилась внутри большого помещения на большой роскошной постели. Я совершенно не помнила, как здесь очутилась, и сколько времени прошло, тоже не знала. Кто же здесь со мной рядом, и где находится это «здесь»?

Я попыталась слезть с ложа и наступила на что-то мягкое и живое — это оказался Лучано.

— Ну, наконец-то очнулась! Учитель ошибся в дозе. Я уже отчаялся — прошло четыре восхода, а ты все лежала, как неживая. Сейчас я пришлю женщину, чтобы она помогла тебе.

— Среди ночи?

— Ты этого заслуживаешь, тем более, что и король, и принц переживают за тебя.

— Король и принц?

— Все потом, я сейчас вернусь.

Перед уходом Лучано зажег светильник, но не успела я осмотреться, как появилась необыкновенная красавица, назвавшаяся Тарикой. Она помогла мне привести себя в порядок, всячески стараясь услужить. Но я не могла раздеться в ее присутствии, как будто кто-то запрещал мне это делать. Все ее поведение было каким-то неуловимо-странным, хотя на первый взгляд казалось вполне доброжелательным. Неужели она... мне завидовала и ревновала? Но почему? И к кому? Мне было свободней и проще в обществе Лучано, чем с Тарикой, и поэтому я облегченно вздохнула, когда Лучано появился в комнате с подносом, заставленным всякой снедью и питьем. Я попробовала всего понемногу и выпила пару глотков странного напитка, напомнившего мне зелье Желтоглаза. Неудивительно, что меня опять потянуло в сон. Я еле смогла добраться до постели и уснула в одно мгновение.

Я проснулась рано утром, когда лучи солнца только собирались коснуться вершук деревьев, окружающих это здание. Я осторожно выбралась из постели. Никого рядом не было. Сказочная роскошь окружала меня, я даже не могу перечислить все предметы, которые были здесь, потому что о многих из них даже и не слышала раньше, все было так необычно, непривычно и... холодно. Нет, не физически, казалось, замерзала душа. Я поежилась: и как это тут люди живут, хотя... люди могут жить везде.

Я быстро расчесала волосы и уложила их простым узлом. Умылась. Больше мне ничего не надо было делать. Мой костюм не мялся. Босиком, стараясь не привлекать к себе внимания, я стала пробираться по коридору, затем по лестнице вниз, не уставая удивляться красоте и роскоши. Хотя, было бы странно, если бы королевский дворец был похож на убогую хижину. До моих ноздрей донесся дразнящий аромат жареного мяса. Я решила отложить осмотр и отправилась на кухню. Но буквально через шаг столкнулась с непонятно как оказавшемся на моем пути мужчиной. Я потерла лоб, он — подбородок, пострадавшие при столкновении. Едва взглянув на незнакомца, я поняла, что он мне кого-то напоминает: он был потрясающе красив, просто непозволительно красив — женщины ему, наверное, не дают проходу.

— Извините,— одновременно сказали мы и рассмеялись.

— Я всех здесь знаю, а вас — нет. Выходит, вы — та спящая красавица, которую привез молодой жрец?

— Выходит, что так — спящая, но — не красавица.

— Интересно, где это вы находились, что остались в неведении относительно своей красоты?

— Там, где меня уже нет!

— Весьма ценное наблюдение. А зовут вас как, прекрасная незнакомка?

— У меня много имен: Колночка, например, Болтушка...

— Нет, это все не то. Я буду называть вас Сладкие Губки,— и он неожиданно впился в мой рот яростным поцелуем.

В первое мгновение я растерялась, но и этого хватило, чтобы незнакомец так сильно прижал меня к себе, что я не могла дышать, а когда я открыла рот, чтобы возмутиться, то чужой язык мигом оказался там. В ярости я укусила его изо всех сил. Незнакомец сжал мне горло, пытаюсь освободиться. Но, не смотря на боль, я отталкивала наглеца из всех сил, и он отшатнулся, чуть не оставшись без языка, потому что моя защитница змея, подняв голову, заглянула в его глаза. Я выплюнула кровь и, чуть отдышавшись, сказала:

— Лучше зовите меня Острые Зубки или Острый Коготки, которыми я могу выцарапать ваши нахальные глазки.

Незнакомец только бессильно погрозил мне, потому что говорить он не мог, да и не скоро еще будет. Я шутливо помахала ему рукой и продолжила свой путь.

Вот так и состоялась моя первая встреча с человеком, который всеми силами отравлял мне жизнь в королевском дворце и стал причиной смены моего облика, встреча с принцем Кошичем.

Кошич и Тарика внешне были сама доброжелательность и забота, но под этой маской прятались злоба, ревность, зависть, желание отомстить. Борьба с ними, с их вечными кознями очень затрудняла мое обучение. И что только Лучано не предпринимал, чтобы смягчить обстановку — все было бесполезно, но уехать куда-либо мы не могли до новой Ночи Пылающих Звезд. Храм Неба, место моего обучения, стал единственным уголком во всем царстве, где я была в относительной безопасности. Именно здесь Лучано и другие жрецы учил меня писать и читать, рассказали о Ночи Пылающих Звезд, познакомили с легендой о проклятии туриков.

«Много сотен лет назад туриками правил король Пардус Свирепый, красивый и жестокий король, не гнушавшийся ничем для достижения своих целей. И вот такого человека полюбила прекрасная девушка по имени Тарика. Она оправдывала все поступки своего любимого, прощала ему любую жестокость и насилие. Пардусу нравилось такое преклонение, он сделал Тарику своей любимой наложницей. Шел год за годом, но детей у Тарики не было. Пардус был очень недоволен этим. Тогда она обратилась к жрецам, которые объяснили, что ее дети погибнут от рук отца. Поэтому ей подмешивали в еду и питье особое зелье, чтобы сделать ее бесплодной. Но Тарика была слепа в своей любви, и жрецам пришлось дать ей нужные снадобья. Вскоре Тарика призналась Пардусу, что ждет ребенка.

— Мне нужен только сын,— заявил король.— Тогда я сделаю тебя королевой, а его — наследником.

Но все произошло не так, как хотел Пардус: Тарика родила двух хорошеньких здоровых девочек. Тщательно скрывая свой гнев, король вошел в комнату, где рядом с кроватью матери лежали в колыбели две малютки.

— Ты обманула меня,— сказал Пардус.— Теперь эти девчонки умрут, мне они не нужны.

Он спокойно взял одну девочку и свернул ей шею. Тарика от ужаса оцепенела. Ни голос, ни тело ей не повиновались! Но едва Пардус протянул руку ко второй

крошке, мать тигрицей метнулась вперед, и была отброшена ударом ноги в бедро. Хрустнула кость, и лишь густые волосы Тарики смягчили ее падение на острый край столика, который рассек голову женщины. Оглушенная, истекающая кровью, она тщетно пыталась помешать еще одному убийству. Но оно совершилось столь же хладнокровно, как и первое.

Нежная душа Тарики не вынесла этой последней жестокости, и вот тогда было произнесено проклятие матери:

«Раз вы цените только мальчиков, пусть же никогда у народа туриков не будут рождаться дочери. Пусть же привезенные невесты будут умирать, родив только сыновей. Пусть они вам мстят, убивают в собственных постелях. И пусть только женщина моей крови в Ночь Пылающих Звезд будет способна снять это проклятие. Да будет так!»

Внезапно наступившая мгла лишь на миг внесла смятение в душу Пардуса, и даже исчезновение Тарики, после того, как мрак рассеялся, не заставило его раскатыться.

Время шло, и стало сбываться проклятие Тарики. Вскоре все жители королевства узнали о нем и начались поиски родственников или потомков Тарики, чтобы они сняли проклятие, но все было бесполезно. Много женщин выдавали себя за спасительниц, но все они погибали во время родов, как и остальные. Много раз Ночи Пылающих Звезд укрывали ярким куполом царство туриков, но проклятие все так же сильно».

Лучано рассказал мне и о волшебстве, происходящем в Ночь Пылающих Звезд. В это время возможно самое невероятное — превращения людей в зверей и наоборот, изменение свойств вещества, исполнение любых желаний. Но все это возможно, если посчастливится найти осколок Звезды, способный сотворить чудо. Чаще всего владелец этого камня и не подозревает, что у него в руках, и поэтому желания бывают самые несуразные и несерьезные, подчас и наносящие вред человеку. Жрецы храма Неба стараются подобрать осколки, чтобы женщина из рода Тарики успела снять проклятие в Ночь Пылающих Звезд. Определение времени, когда будет следующая Ночь, составляет тайну жрецов, как и признаки, по которым можно узнать спасительницу царства.

После этого рассказа мне стало понятно особое положение Тарики во дворце — она выдавала себя за женщину из рода легендарной Тарики, даже имя у нее было таким. Но было еще неясно, чьей женой она должна стать — короля или принца? По мне — так хоть за кого ей ни выходить — все равно толку не будет. Она — самозванка. А я, скорее всего, именно та, кого искала жрецы. Недаром у меня на бедре и на голове родимые пятна, следы от ран первой Тарики.

К тому же мне стало понятно, что Золтан — не простое животное, а был раньше человеком, может даже высокого рода: недаром же турики не трогали Золтана во время нападения и кричали «Великий». И еще сильнее становилось мое желание увидеть Золтана в Ночь Пылающих Звезд и расколдовать его, потому что мы должны быть вместе.

Мне пока удавалось с помощью различных хитростей ускользать от свидания с Кошичем. Но однажды удача мне изменила. По приказу короля накануне Ночи Пылающих звезд я должна была присутствовать на дворцовом празднестве. Затем меня вместе с Тарикой ждали в храме Неба для совершения обряда.

Тарика очаровывала принца и его отца, что было мне только на руку, и я наблюдала за происходящим из укромного уголка. Вино лилось рекой, веселье становилось слишком буйным, и я попыталась незаметно ускользнуть, прячась за спинами придворных. Но меня потянули танцевать, я стала вырываться и была незамедлительно обнаружена. Король приказал мне петь, и пришлось подчиниться его приказу. Сначала неохотно я исполнила две песенки, модные среди воинов об их непобедимости и

удаче в войне. Затем, вспомнив столкновение туриков с Золтаном, когда он меня спас, я стала петь о своей любви, о том, как тоскую в разлуке, как мечтаю о встрече, как хочу прикоснуться к любимому и оказаться в его объятиях. Я чувствовала свое единство с Золтаном — весь остальной мир перестал для меня существовать

Замолчав, я огляделась вокруг: стояла совершенно невозможная тишина. Ведь присутствующие подпевали мне во время исполнения предыдущих песен, а сейчас сидели и стояли молча, у некоторых на глазах выступили слезы — совершенно неслыханная вещь в этом государстве безжалостных воинов! Это состояние нарушила Тарика, презрительно фыркнув, за что тут же была наказана — король поставил ее на колени и велел просить у меня прощения. Губы девушки произносили нужные слова, голова была опущена, но я видела крепко сжатые, до побеления, ее руки и понимала, что Тарика на самом деле сделает все, чтобы меня уничтожить. К тому же окружающие стали выражать свое одобрение моему пению и унижению Тарики криком и свистом, а Кошич попытался в награду и как знак обручения надеть мне на палец свой перстень. Якобы смущаясь, я убежала из залы, надеясь ускользнуть от нежеланного жениха. Но Кошич словно сошел с ума — преследовал меня по пятам. Я покинула дворец, я бежала изо всех сил по саду, по примыкавшему к нему лесу, все дальше и дальше. Единственное, что меня немного приободряло, то, что Кошич был пьян, но на свежем воздухе он быстро трезвел. Становилось темно, но и это не слишком помогало скрыться. Я устала, но боялась остановиться даже на миг.

Выбежав на небольшую полянку с озерцом, которое называли озером Звезд, я застыла, так поразило меня небо: оно стало не темно-коричневое, как положено, а постепенно накалилось до вишневого цвета и вспыхнуло вдруг ярким желто-зеленым светом. Звезды распускались, как цветы, и с голубыми искрами гасли, чтобы через мгновение вновь рассыпаться, подобно брызгам фонтана. Я, забыв обо всем, заворожено следила за всполохами, поняв, что наступила долгожданная Ночь Пылающих Звезд, когда я должна выполнить многое... Но храм Неба далек, а ненавистный мне Кошич уже близок. Нет! Я не должна попасть ему в руки! Тем более, сейчас! Нет! И я снова бросилась бежать, но споткнулась, упала на вытянутые руки, и мне ладонь ожег маленький камешек, который я судорожно сжала — осколок звезды! Это мог быть только он! Лучше я стану такой же кошкой, как Золтан, только бы не попасть в постель принца! Но что это со мной? Боль, нестерпимая боль пронзила меня насквозь! Что же я наделала! Я же могу умереть?!! Нет! Лучше смерть, чем постель Кошича! И я растворилась в желто-зеленом сиянии очередной распускавшейся звезды. И это было последним цветным видением перед полной чернотой. Казалось, прошла вечность, прежде чем я очнулась.

— Тера! Что с тобой?

Как, Кошич уже рядом? Он уже сдергивает с меня плащ! Нет, я буду драться! Вскочив на ноги, я полоснула Кошича ногтями по лицу и чуть не упала снова — тело плохо повиновалась мне, я могла стоять, только опершись на Кошича, но что это? Мои руки стали совсем черными, и это уже не руки, а... лапы!!!

— Черная пантера!

Крик принца стал ответом на мой вопрос, что со мной случилось. Мое тело стало телом кошки, но сознание осталось человеческим. Пока...

Кошич организовал охоту на меня, и после долгих трудов я была схвачена и посажена в клетку. В тайне от жрецов меня выпускали на арену, где каждый раз я должна была бороться за собственную жизнь. И этот бой будет последним.

Я могу погибнуть, но, если останусь жива, то именно сегодня вечером я встречу с тем, кого люблю, чтобы остаться с ним навсегда. Так мне предсказано. Сегодня снова наступает Ночь Пылающих Звезд.

Александр Хадарцев
(г. Тула)

БАЛЕТКА

В 1960 году, когда я учился на первом курсе медицинского института в г. Орджоникидзе (ныне — г. Владикавказ), в черте города мы снимали одну комнату на пять человек (мама, папа, две сестры и я) у хозяйки — Мишурат Цаликовой. Она со взрослой, тридцатилетней, но не бывшей ни разу замужем, дочкой Фатимой занимала еще одну комнату, а третья комната принадлежала золовке Мишурат — Ксении. Между собой эти семидесятилетние родственницы поневоле — откровенно не ладили. Обе были иссохшими, костлявыми, но подвижными и крайне любопытными. Предметом распри, по-видимому, был сам домик и прилежащий к нему крохотный дворик, на котором располагался покосившийся деревянный туалет и два сарайчика, заполненных куриным кудактаньем. Входные двери комнаты, которую снимали мы, и комнаты хозяйки — выходили на маленькую открытую веранду. Между дверями стоял старый скрипучий стол.

Приходилось допоздна засиживаться на кафедрах института, особенно при сдаче экзаменов по анатомии. Лаборант кафедры, будущий студент, мой приятель, чтобы дать мне возможность самостоятельно готовиться дома к экзаменам, заготовил ряд «мокрых препаратов», хранившихся в фиксирующем растворе формальдегида. Туда вошли: распил головы, кисть руки, предплечье с препарированными для лучшей видимости сосудисто-нервными пучками, мышцами и сухожилиями. Я их сложил в «балетку» (так назывался небольшой чемоданчик с закругленными на стороне ручки стенками) и пораньше пришел домой, чтобы спокойно изучать экзаменационный материал. Поставил балетку на стол и начал по привычке рыться в карманах в поисках дверного ключа. Но услышал из-за двери голос сестры: «Заходи, Санька!» Я вошел в комнату, забыв балетку на столе. Во время разговора с сестрой за дверью раздался громкий женский визг и послышался звук упавшего тела. Выскочив на веранду, мы увидели лежащую навзничь без сознания Мишурат. Начав хлопать ее по щекам, дождался, когда сестра достанет с полки нашатырный спирт. Плеснув его на носовой платок, поднес его к носу Мишурат, которая зашевелилась и постепенно пришла в сознание, отмахиваясь похуже на воронье крыло рукой от раздражающего запаха нашатыря.

— Что это? — еле слышно прошептала она.

— Где? — не понял я.

— Там, на столе...

Подняв глаза, я увидел расстегнутую и распахнутую настезь балетку (хотя и принес ее закрытой). На меня смотрел висящий на нерве глаз, лежащий на распиле головы, а подбородок препарата поддерживала кисть с сухожилиями, обхватываю-

шая предплечье с выделенными мышцами. Стало все понятным. То, что увидела любопытная старуха, не только довело ее до обморока, но и послужило причиной отказа нам в дальнейшем съеме квартиры. Ксения и Мишурат так и не помирились друг с другом, но вот Фатима удачно вышла замуж и переехала в дом мужа. При встречах Мишурат со мной не только не разговаривала, но и переходила на другую сторону улицы.

МУРАТ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Второй курс медицинского института, 1961 год, как и все студенты огромного Советского Союза, осенние месяцы мы проводим в колхозе на уборке урожая. Кукуруза, сахарная свекла — были теми региональными культурами, на уборку которых мобилизовали студентов нашего вуза. Куратором одной из групп курса был молодой ассистент Мурат Александрович.

Однажды он провожал нашу сокурсницу Валию по дороге от полевого стана к месту размещения студентов — в старом коровнике, на полу которого были сколочены настилы, на них наброшена солома, накрытая простынями и застеленная солдатскими казарменными одеялами, подушками служили наволочки, набитые соломой.

Девушка весело болтала и строила ему глазки. В то время флирт педагогов с учениками, впрочем, как и сейчас, не приветствовался. Но и избегать попутчицы не было оснований. Вдруг девушка ойкнула, схватилась за живот и побежала в кусты. Видимо, куриное мясо, съеденное на обед, было некачественным (позднее выяснилось, что еще у семи человек в тот вечер возникли поносы и рвота, как проявление сальмонеллезной токсикоинфекции). Но никто из нас пока еще ничего не знал. По дороге студентка раза два отбегала от Мурата Александровича. Наконец, пока она пребывала в кустах, его догнала наша группа и с возгласами: «Мурат Александрович, что вы здесь стоите? Идите с нами!» — мы попытались увлечь его за собой. Не зная, что нам ответить, он промямлил: «Сейчас меня должен догнать доцент нашей кафедры. Я его подожду!» В этот момент из кустов раздался голос Вали: «Мурат Александрович! Дайте бумажку!»

ПО СЛЕДАМ НЕВИДИМЫХ ВРАГОВ

Студенты всех времен и стран имеют традиционную привычку периодически прогуливать лекции. Как правило, это действие приобретает коллективный характер и сближает между собой сокурсников, хотя и вызывает ураган негодования со стороны лекторов и деканата. Наш курс не был исключением! Как-то, проходя по проспекту мимо кинотеатра, мы с другом обратили внимание на афишу: «По следам невидимых врагов». Кино тогда было, пожалуй, самым распространенным развлечением, так как телевизоры только появлялись в обиходе в виде огромных ящиков марки «КВН» с малюсеньким экраном размером с блокнотный листок, изображение на котором можно было рассмотреть только через расположенную перед ним огромную линзу. Но уже вовсю из-за «бугра» кричали о хрущевской «оттепели». На страницах «Юности» бушевали «шестидесятники» — Вознесенский, Евтушенко и другие. Появились зарубежные фильмы: вестерны, детективы производства Голливуда и киностудии «Дефо» из ГДР.

— Айда в кино! — сказал Виктор.

— Ну, давай, все равно сейчас лекция по истории КПСС, опять Битайчик станет читать проповедь!

Притормозив у билетных касс, мы с радостью обнаружили, что не одиноки в желании «заколоть» лекцию. В числе стоящих перед заветным окошком мы узнали двух своих одноклассниц. Заплатив по 20 копеек за билеты на первый ряд, в предвкушении разгадки детективной истории, мы взяли по два пирожка с ливером (5 копеек — штука!) и еще осталось по одной копейке на газировку без сиропа. Войдя в зал, мы с радостью увидели, что почти все места свободны, поэтому заняли середину 12 ряда, предвкушая удовольствие от нового фильма.

— Видите, мы — первые!

— Здорово! Наши — там парятся, а нам — везуха!

— Может, завтра еще раз с группой сходим, если билеты достанем?

— Тише! Начинается!

И началось. Фильм оказался документальным и был посвящен поиску каких-то редких микробов в одном из многочисленных НИИ. Так что все детективные истории невидимых врагов мы смотрели через окуляр микроскопа на экране. А их следы были действительно невидимыми. Не глядя друг на друга, похмыкивая, мы вышли на яркий солнечный свет, который после темноты кинозала оказался достаточным, чтобы не жалеть о потерянном времени.

На другой день лекцию по философии прогуляла половина курса. Все они находились в том же кинотеатре и смотрели «По следам невидимых врагов». Просто утром Виктор представил увиденный нами фильм, как самый интересный зарубежный детектив. «Купившиеся» на его треп студенты с радостью сбежали со второй пары на «импортный детектив».

В последующие два дня Виктор на занятиях не появлялся.

ЭКЗАМЕН ПО ПСИХИАТРИИ

Профессор Фридман, ученик Ганнушкина и сам видный в научном мире психиатр, знавший несколько иностранных языков, был главным судебно-психиатрическим экспертом Северо-Кавказского военного округа. Как и положено большому ученому, имел странности в поведении, а его феноменальная забывчивость вошла в историю города. Так, он регулярно снимал при входе в вагон трамвая галоши, и забывал их надеть, выходя из него. Тогда еще действовали «Столбы находок», и каждый раз галоши доставлялись профессору на дом. Сдача экзамена Фридману была всякий раз полна неожиданностей. Мы с сокурсниками, взяв экзаменационные билеты, сидим, готовимся. Одна из студенток, известная на курсе отличница и зубрилка, вызывается отвечать. Фридман задает ей вопрос и тут же начинает отсчет: «Один, два, три! Не знаете! За три секунды не начали отвечать, значит, не подготовились! Придете в следующий раз!» Мы столбенеем. Неудачница выходит в коридор, и из-за оставленной открытой двери раздается ее возмущенный голос: «Девочки! Не сдала! Видите ли, за три секунды должна была начать отвечать...» Фридман мгновенно взвился со стула, выбежал в коридор: «Немедленно зайдите ко мне!» Вместе с провинившейся студенткой вернулся в аудиторию, и, обращаясь к ней, произнес: «Вы знаете, что девочки находятся только в публичных домах! А здесь вы все — госстуденты и госстудентки! Ваша обязанность перед государством — хорошо учиться! Вы пренебрегли своими обязанностями и заслуживаете немедленного ареста!» Он поставил свою ногу на стул, обнажив сиреневого цвета фланелевые подштанники, просунул под колено руку к телефонной трубке, и в этой, весьма неудобной позе, набрав номер отделения милиции, закричал в трубку: «Вас беспокоит профессор Фридман! Здесь находится госстудентка, злостно нарушающая нормы государственной жизни! Прошу немедленно изолировать ее за аморальное поведение на госэкзамене!» Потом об-

ратился к дрожащей студентке: «А вы пока покиньте аудиторию! В коридоре подождите, когда придет наряд милиции!» Следующим был я. Усевшись за стол, прочитал первый вопрос билета и, не дожидаясь начала рокового отсчета секунд, начал что-то отвечать. Это успокоило профессора и, даже не дослушав полностью ответ на вопрос, рявкнул на всю аудиторию: «Вот так надо отвечать! Отлично!» Плохое настроение Фридмана мгновенно исправилось, и он даже не заметил, что арест провинившейся студентки не состоялся (в милиции знали чудачества научного светила). Более того, он даже не заметил (или сделал вид, что не заметил), когда виновница вспышки его гнева повторно зашла в аудиторию и успешно сдала ему же экзамен.

В АНАТОМИЧКЕ

Первокурсники, щурясь от едкого запаха формалина, сгрудились вокруг анатомического стола. На его холодной нержавеющей поверхности расположился «биологический материал», как принято называть бранные человеческие тела, служащие источником знания для многих поколений врачей. Обычно — это невостребованные для похоронного ритуала родственниками бомжи, или уникамы, завещавшие себя посмертно в качестве анатомических препаратов. При поступлении таких останков проводится фиксация их тканей — введение в сосуды формалина для исключения процессов гниения и возможности заражения контактирующих с ними студентов.

Так было и в этот раз. Анатом через толстую иглу с помощью специального насосного устройства начал под давлением нагнетать фиксирующий раствор в сосуды. Некоторое время спустя раздался девичий вопль: «Смотрите! Он оживает!» Глазам изумленных сокурсников открылась удивительная картина: с каждым качком насоса половой член покоившегося тела начал синхронно ритмично подрагивать, увеличиваясь в объеме... Девчачьи щеки зарумянились, ресницы задрожали, и в наступившей тишине кто-то из наших скромниц тихо, но так, что услышали все — прошептал: «Как живой...» Тут же прозвучал голос старосты курса: «И все-то она знает!»

ШПАРГАЛКА

На экзамене по биологии друг Виктор взял не тот билет. То есть, взял-то он билет правильно, но система, заранее обговоренная студентами с лаборантами кафедры, дала сбой. Экзаменатор толи по рассеянности, толи умышленно, перемешал лежащие на столе билеты. Ответивший перед этим казусом однокурсник, получив желанный «тройку», выпорхнул из аудитории и сказал мне: «Витька взял не свой билет! У него номер 32, просил передать «шпору», а то по тем вопросам он вообще ничего не знает!» И с цветущим выражением лица, на котором светилось чувство исполненного долга, покинул наполненные томительным ожиданием коридоры института.

Как всегда, девчонки аккуратно писали шпаргалки на все вопросы всех билетов, поэтому тут же нашлись готовые ответы на сложенной в гармошку бумажке. Настал самый ответственный для меня момент. Ни разу до того не передававший «шпоры», я знал, что этот процесс должен быть скрыт от глаз всех присутствующих. А так как руки будут заняты карандашом, билетом, листками черновиков, решил спрятать ее в носок. Взяв билет, я сел за стол напротив Витьки и прошептал: «Опусти руку под стол! Шпора в носке...» Через секунду почувствовал ощупывающую руку друга сначала на левом голеностопе, потом на правом. Слышу Витькин шепот: «Там ее нет!!» Отвечаю: «Она там!» Но тут же по спине пробежал легкий ветерок. Я забыл, в какой носок — слева или справа положил Витькину удачу. Полез сам, ощупал все про-

странство между ногой и носком. Нет! Вроде дырки в носке не было. Куда же заделась шпаргалка? Заглянул под стол и увидел ее, родимую, одиноко лежавшую под Витькиной босоножкой, куда она попала после его безуспешных исканий. Обрадовавшись, нагнулся, вытащил ее из-под подошвы, и чуть-чуть не замахал ею перед глазами Витьки, обидевшегося было на меня за недопоставку шпоры. Экзаменатор тут же спросил, что это я копаюсь под столом. Хорошо, что, не выпустив из рук карандаша во время поисков, я сослался на то, что уронил его под стол, потому и возился. Изрядно скомканный бумажный шарик с ответами, почти не скрываясь, положил перед Виктором, прикрыв его листом бумаги. Дальнейшее было просто. Я пошел вне очереди отвечать к доске, дав тем самым Виктору время успешно переписать ответы. Конечно, по окончании экзамена все это было представлено им по-другому: «Сижу, жду шпору. Появляется с загадочным видом Сашка и по шпионски невнятно бормочет, что шпаргалка в левом внутреннем углу правого носка с наружной стороны. Поищи, мол!» Зато хвостов у Виктора в этом семестре — не было.

Владимир Сапожников
(г. Тула)

ОСТРОВ НА РЕКЕ

Сергею Прищепе

— Сережа, Сергей, ну, вставай же! — донесся до Сергея сквозь сон голос Володьки. Сергей нехотя разомкнул тяжелые веки, в затуманенные глаза брызнуло солнце, стало больно от голубого неба, что синееко глядело в приоткрытую дверь на балконе.

Володя, уже одетый по-походному в потертые джинсы, старую бесцветную рубашку с короткими рукавами, стоптанные, давно небелоснежные кеды, наклонился у его кровати, нетерпеливо перекидывая из руки в руку зеленую спортивную сумку, туго набитую разной снедью.

— Ну, вставай, вставай же, старик, видишь, солнце-то так и жарит, спасу нет! Сама природа за то, чтобы мы съездили на Оку!

Только тут до Сергея окончательно дошло, что вчера они договорились поехать купаться на Оку, если будет хорошая погода. Он еще на мгновение зажмурил глаза, окунувшись на секундочку в благодать сна, потом потянулся в общежитской постели так, что хрустнули не только суставы, но жалобно заскрипела койка, и в следующее мгновение Сергей уже стоял посреди комнаты и яростно растягивал в стороны ручки эспандера.

— Хокей, Володь, я сейчас буду готов к поездке!

— Давай, поспешай, а то электричка, она, знаешь, тоже ждать не будет, пока ты разомнешься этой адской машинкой!

План поездки у них — молодых врачей, приехавших в Нержск по распределению и уже проработавших по году, был прост: сначала электричкой до Засижья, потом автобусом до Оки. А там — разворачивают палатку, вечерний костер, катание на лодке и, конечно, купаться, купаться и купаться. Был в плане еще один пункт, о котором думал всю дорогу, пока тряслись в вагоне — заходить в Засижье к Лене или нет? Лена — знакомая девушка, учительница местной школы, с которой Сергей случайно познакомился в один из зимних вечеров в гостях на именинах в Нержске. Лена ему тогда очень понравилась, но со временем, особенно после того, как случился роман с Людой, с которой тоже ничего путного не вышло, — пожили несколько месяцев вместе и разошлись — чувство притуплялось, гасло, и сейчас, в электричке, которая спешила по направлению к Засижью, он уже не знал точно: нравится ему Лена или нет, заходить к ней или нет, хотя вдруг вспомнилась их вечерняя прогулка по ночному городу, ее теплые, светлые глаза, податливые, страстные губы, когда они целовались при расставании... Вчера, когда с Володей они обсуждали предстоящую поездку, он поделился своими сомнениями с другом. Вот и сейчас тот, догадавшись о мучивших его сомнениях, спросил:

— Ну, как решил? Будем заходить или не стоит? Сергей посмотрел в его серые добрые глаза, застрявшие среди множества веснушек на широком лице, скривил губы:

— А черт ее знает. Сам не решу никак. Вот выйдем на перрон, и скажу окончательно.

Электричка, визгливо крикнув что-то бессвязное на прощание, прогудела, пронеслась мимо, дальше, оставив друзей на привокзальной площади, где в этот час никого кроме их двоих не было. Солнце по-прежнему ободряюще, расточительно грело с небес, ни одна тучка, даже облачко не омрачали покой ставшего бесцветным от голубизны простора. Легкий ветерок шелестел в закипевшей зелени деревенских садов, полных спелых и сочных яблок, было до остолбенения тихо после сутолоки и шума Нержска, суеты электрички.

Володя втянул в ноздри чистый воздух, смачно крякнул:

— М-да! Это, брат, благодать!

— Это-то не благодать, а предблагодать, благодать будет на Оке, когда бултыхнемся в воду, — поправил его Сергей.

— Как решил, будем заходить к Лене или нет? Может, сразу на автобус, да и на лоно?

Сергей помялся с мгновение, потом махнул рукой:

— Не будем. Айда на автобус!

На остановке автобуса они нос к носу столкнулись... с Леной.

В светлом, цветастом деревенском платье, из-под которого выглядывали, как стволы молодых березок, странно белые для такой жары ноги в босоножках, с неизменной доброй улыбкой на округлом, открытом лице, которое когда-то так тронуло Сергея, она была неразрывно, кровно связана с окружающей простотой придорожных лип, сельским ароматным воздухом, вообще, со всей этой природой — неброской и красивой. Лена так искренне обрадовалась встрече, что у Сергея защемило сердце, мелькнула в памяти та декабрьская ночь, скрип снега под ногами, снежинки в темноте, похожие на маленьких белых парашютистов, и такая же белизна, чистота в душе от этого снега и от ощущения близости девушки, нежной, умной, открытой, которой ты тоже, кажется, нравишься...

— Здравствуй, Сереженька! — она это сказала так, как приласкала, будто ничего и не случилось, будто они и вовсе не были в разлуке три месяца, будто не было того разрыва между ними, когда однажды ему, вдруг, показалось ночью, что рядом с ним лежит совершенно чужой, незнакомый человек, а не Лена. Ее глаза прямо-таки светились от неподдельной искренности.

— Здравствуй, Лена. А мы как раз решили посмотреть расписание автобусов до Оки, а потом зайти к тебе, — соврал Сергей, сам не зная почему.

— Ближайший автобус будет только через час, так что у вас еще целых шестьдесят минут в запасе, ребята, — тут же пояснила Лена.

— Придется ждать, — бодро вмешался в их беседу Володя, уже высматривая на обочине дороги местечко, где можно было присесть.

— Ребята, чего вы здесь будете сидеть? Пошли к нам, пообедаете, — пригласила Лена. — Правда, у нас ремонт дома, но ничего, места хватит, а мои тебе, Сереж, всегда рады.

— Что ж, пошли, — улыбнулся с готовностью Сергей, солгав еще раз, видимо, уже по инерции. Володя неодобрительно посмотрел на него, но пошел.

У Лены дома их встретили радостно, с той искренней теплотой, с которой могут встречать гостей в русских селах. Михаил Петрович — отец Лены, тут же сбегал в магазин, несмотря на их возражения, и прошло несколько минут, как они уже сидели за столом, на котором наряду с упомянутой бутылкой «Русской» красовались, радуя

глаза отвыкших от таких щедрот горожан, салаты из помидоров, огурцов, редиски и прочего, прочего, прочего, чем мать-земля еще щедро одаривает людей на их приусадебных участках. Михаил Петрович разлил по «граммулечке», все выпили, закусили, потом, исходя из того, что «первая рюмочка колом, вторая — соколом, а остальные — мелкими пташечками», выпили еще раз и снова закусили. Сергей ощутил, как от алкоголя стало тепло в желудке, он сидел рядом с Леной, оживленно беседовал с ее мамой, тоже учительницей, с таким же открытым, как у дочери, лицом. Иногда его локоть касался руки девушки, которая казалась ему очень горячей. Обед прошел за беседами, в которых участвовали все, кроме Лены. Говорили о плохой погоде в июле, о видах на урожай, затронули и важные международные события: об агрессивности американцев, зловерности Рейгана...

Когда перешли к чаю, Сергей впервые заговорил о том, как они оказались здесь.

— Мы, Михаил Петрович,— обращался он почему-то именно к хозяину,— мы вот решили с Володей покататься на Оке. Тянет, знаете ли, к воде. Как, вы Лену с нами отпустите?

У Михаила Петровича тревога пробежала по лицу, но он тут же справился с собой, улыбнулся по-прежнему, широко:

— Конечно, ее воля, как хочет, мы не держим. Как ты, Лена? Сама решай.

Володя посмотрел на Лену, он весь обед незаметно наблюдал за ней, и чем дальше наблюдал, тем явственнее замечал постепенную перемену в ее настроении в сторону ухудшения. Когда Сергей с улыбкой внес свое предложение о поездке на реку, Володя заметил, что Лена посмотрела на него с укором, обидой и даже недоумением. Не понравилось, каким тоном он сказал это.

— Нет, Сереженька, я не могу сегодня.

— Почему не можешь? — плохо подражая кавказцам, растягивая слова и фальшивя, продолжал в том же ключе Сергей, обернувшись теперь к девушке.— Почему? Поедем с нами, отдохнем, дорогая, покупаемся. Поехали, а?

Последние слова он уже сказал без грузинского акцента и без всякой надежды и желания.

— Нет, Сережа,— Володе казалось, что Лена с трудом сдерживала слезы,— понимаешь, спасибо, не могу, у меня сегодня занятия с детьми на дошкольной площадке. Другой раз как-нибудь.

Володя встал, уже не в силах больше сидеть за столом, есть вкусные домашние закуски:

— Что ж, спасибо за хлеб-соль, как говорится. Думаю, еще увидимся,— пожал протянутую руку Михаила Петровича, зная, что делает это в последний раз, и подтолкнул к выходу Сергея:

— Пошли, пошли, а то опоздаем. Не может человек, бывает ведь такое. Потом заедешь, на обратном пути.

Да, Сергей, видно, и сам был не прочь уходить, чувствовалось, что и у него все угощение, может, только кроме водки, комом застряло в горле.

— Ну, что ж, пошли. Спасибо за все. Я обязательно заеду на обратном пути,— заверил он Лену и ее родителей.

— Заезжай. Если получится,— ответила девушка.

Тихо поскрипывали весла в уключинах лодки, взятой напрокат до утра в местной лодочной станции. Сергей, полулежа на корме, сквозь прикрытые веки посматривал на Володю, который старательно греб, сильно упираясь ногами в дно лодки, отбрасывая назад рывками все туловище. После каждого взмаха весел лодка продвигалась вперед метра на три-четыре. Они плыли посередине Оки, задавшись целью добраться до далекого острова, что виднелся в полуторах километрах впереди, выше по течению, уже окутанный наползающим легким туманом и приближающимися сумерками.

Грести было тяжело, так как встречное течение здорово сносило лодку назад, но друзья утешались мыслью, что обратный путь будет легким, по течению. Изредка проходившие мимо моторки и «ракеты» поднимали волну, и тогда лодку поднимало и опускало, будто на море в тихую погоду. С левого пологого берега доносились веселые голоса туристов, слышалась музыка, были видны барахтавшиеся в воде последние купающиеся. Правый, более крутой, обрывистый берег был малолюднен, только рыбаки молча и терпеливо наблюдали за своими уснувшими поплатками. Смеркалось. Малиновый закат становился все гуще и гуще, последние сполохи уходящего дня окрашивали речную мутноватую воду в золотистый цвет. Володя греб сосредоточенно, с удовольствием отдаваясь этому нудному занятию, капельки пота уже проступили на лице, собираясь вместе, стекали по шее ручейками на грудь.

— Осуждаешь меня за то, что зашли в гости к Лене? — спросил Сергей, не поднимая глаз на друга. Володя ответил не сразу, сильно гребанул несколько раз.

— Да, осуждаю. Зря мы это сделали. Я тебе еще там, в электричке, хотел сказать, что не надо голову морочить и ей, и себе, раз не любишь. Глупо вышло.

Сергей вздохнул:

— Ты прав, старик. Но, знаешь, я не мог набраться смелости до этой встречи и окончательно сказать себе: да, я ее не люблю. Не мог, понимаешь. Потому что хорошая она девчонка, вот только я плохой...

Нос лодки резанул воду так, что по бортам вздыбились небольшие волны и раздавалось журчание.

— А сегодня я четко понял, что не люблю ее. Четко, понимаешь? — продолжил Сергей. — Когда сидели за столом, меня даже раздражало ее присутствие. И пригласил ее с собой только из-за приличия, а вообще-то, если б она согласилась — поездка была бы скомкана.

Володя усмехнулся:

— Я сразу понял, что ты не хочешь, чтоб она поехала. Думаю, что она это тоже почувствовала и отказалась поэтому.

— А знаешь, о чем я сейчас думаю? — спросил Сергей, запрокидывая голову назад и глаза в широко распахнутое, темнеющее, но все еще синее небо, и продолжил, — о том, как хорошо, что мы вот здесь, в этой лодчонке, скоро будет остров, наступит вечер. Мы поставим палатку, разведем костерок, поджарим сало, как в детстве, посидим, выпьем немного, помолчим... В общем, о том, как хорошо все-таки жить на белом свете, вот так иногда выезжать на природу...

— Да, хорошо. Я с тобой полностью согласен. В городе мы все-таки многого лишены. А этот воздух — да за него наличными платить надо. Цимус, и только!

Чайки безмолвно пролетали низко над рекой, иногда падая вниз, высмотрев зажавшуюся рыбешку. Остров приближался, уже видны были его безлюдный обрывистый берег, маленький песчаный плес над обрывом, высокий кустарник, небольшая лужайка со стожком сена. Парни несколько раз меняли друг друга на веслах, и, наконец, когда на небе, как на промокашке, проступили светлыми пятнами первые звезды, лодка уткнулась носом в прибрежный песок. Друзья дружно вытащили ее на пляж и, выбрав подходящее место наверху, над обрывом, развернули палатку. Затем ломанулись в кустарник собирать сухой хворост для костра. Стало уже совсем темно, но путешественникам повезло, они вывернули из земли несколько толстых, но высохших мертвых олешин, стащили их к палатке, наломали, сложили в кучу. Костер решили пока не разводять, а пойти поискать питьевую воду: в деревне, где брали лодку, им сказали, что на острове есть ключ.

Родник нашли по журчанию. В зарослях, на другом конце острова, под одиноким раскидистым дубом, прямо из-под корней в ржавой толстой трубе звенела, лилась ледяная вода, стекающая затем небольшим ручейком в Оку.

Сергей первым припал к ключу, напился, умыл лицо, руки:

— Ух, хороша водичка, как лед, даже зубы сводит!

Володя повторил ту же процедуру, они наполнили водой фляги и медленно пошли к своей стоянке по едва протоптанной тропинке, вьющейся среди кустарника.

Стало совсем сумрачно. Луна бельмом повисла на темно-синем небе, освещая притихшую реку, уже окутанную загустевающим туманом, из которого кое-где по берегам Оки светились огоньки костров. Остров, казавшийся в этот час более таинственным, почти необитаемым, темный лес на ближайшем берегу, живущий своей непостижимой жизнью, все вокруг заключало в себе какую-то загадку.

Сергей поджег бумагу, подложенную под основание костра, языки пламени жадно лизнули сначала сухие веточки, потом перебросились на более крупные, и через несколько минут костер уже полыхал на самом краю обрыва, выхватывая из тьмы смягчившиеся черты лица Володи, который раскладывал на газете, расстеленной прямо на земле, помидоры, вареные яйца, огурцы, соль, сало, резал ржаной хлеб, очищал зеленый лук, прихваченный в деревне.

— Ну что, старик, давай поджарим сало на веточках? Ты в детстве жарил так на костре? — предложил Сергей.

— Да, жарил, а как же. Я очень ценю это блюдо. Давай.

Они насадили на тонкие прутья лозы по куску сала, и вскоре оно зашипело над углями, капая в костер, дымя при этом. Когда сало было готово, разлили по стаканам купленную в деревне «Стрелецкую», молча чокнулись, выпили, жадно заели салом и хлебом. Сало было горячее, пахло дымком, но казалось очень вкусным. После второго стакана «Стрелецкой» стало легко на душе, потянуло на разговор.

— А все-таки хорошо, что я тебя сюда вытащил, правда? — сказал Володя.

— Хорошо. Я не жалею. Это настоящий отдых, а то, что бы мы делали в этом душном бетонном городе. Ну, в кино ходили, на танцы, то да се... А здесь — какая красота и тишина. У меня, знаешь, когда мы из электрички на станции сошли, от этой тишины даже в ушах зазвенело.

— У меня тоже. А воздух какой... Как эликсир! И это-то после фторотана и закиси азота, которых в операционной за день так наглотаешься, что придешь иногда домой с работы и сходу засыпаешь.

Сергей насадил на ветку новый кусок сала, и тот, уже обжариваясь, «потек» над пламенем костра. На мгновение вспомнился прошедший рабочий день: операции, операции, операции. Белизна больничных халатов, простынь, окровавленные салфетки, отчужденные, застывшие лица больных, находящихся под наркозом, развернутые операционные раны с кровоточащими краями, отдельные фрагменты самих хирургических манипуляций, напряжение в уставших глазах коллег, капли пота, проступившие у них на лбу, суета операционных сестер...

Налили еще по одной. Заели обжигающим языком и горло салом, помидорами, хлебом. Подбросили в костер веток, отчего языки пламени, зародившись в середине розово мерцающих углей, перекинулись на сучья и взметнулись ввысь, расширяя световой коридор вокруг примолкнувших друзей, которые сидели молча, в каком-то оцепенении разглядывая окружающую темень, смутные силуэты деревьев. На острове было пустынно и тихо. Им казалось, что все застыло кругом. Остановился маленький шарик, кажущийся, говорят, голубым из космоса, а вместе с ним остановилось и время. Не мчались где-то в ночи поезда по огромной стране, женщины, мучаясь в родовых схватках, не рожали в этот момент беспомощных, красноватых детенышей, которым предстояло потом пройти все сначала, через ошибки, удачи и неудачи, заблуждения, отбрасывая глупые иллюзии, выдуманные по наивности или с умыслом другими людьми. Будто где-то среди суеты и бессонницы врачей и сестер не умирали больные, судорожно борясь за каждую секундочку этой непонятной жизни, такой

неповторимой и временами такой прекрасной. Тлели угли в костре, как частички этой неугасимой жизни, отбрасывая разноцветные блики на лица двоих парней, отражаясь в их глазах.

— А странная все-таки штука — жизнь, — задумчиво произнес Сергей, не в силах оторваться взором от огня. — Вот Лена, хорошая, умная девушка, думаю, что она будет верной женой, хорошей хозяйкой, в ней есть что-то такое, чего я не находил в моей первой жене. Осознаю, что я ей нравлюсь, но чувствую в то же время, что это не то, не настоящее. Что, обнимая ее, я вдруг вижу свою первую жену, то есть обманываю и ее, и себя...

Володя задумчиво пошевелил суковатой палкой в костре, сдвигая к центру остатки недогоревших веток.

— А есть ли оно, настоящее, вообще, не самообман ли это? Не видим ли мы в женщинах то, что хотим видеть, хотя на самом деле они совсем другие? И есть ли она, любовь, на белом свете? Может, ее и нет вовсе, старик, а? Давай-ка лучше есть картошку, она, наверное, готова.

Они стали выкатывать из догорающего костра обуглившиеся горячие клубни, дымящиеся и такие вкусные, кисловатые внутри. Потом допили остатки «Стрелецкой», затоптали угли, разложили в палатке спальные мешки.

— Слушай, давай перед сном искупаемся, как бывало в детстве. Вода, наверное, теплая, — предложил Володя.

— Давай.

Они разделись. По мягкому песку спустились с обрыва к воде. Было прохладно. Володя даже ощутил, что кожа местами стала «гусиной». К этому времени ночное небо очистилось от туч, множество звездочек рассыпалось по небу вокруг лобастой луны, посветлело, только над самой поверхностью реки стлался туман.

Вода оказалась теплой, гораздо теплее, чем воздух, и купальщики смело шагнули в реку.

— Благодать-то какая! — фыркнул вынырнувший Сергей.

— Ага, хорошо, — согласился его товарищ, — слушай, поплыли к тому берегу, он недалеко.

— Поплыли.

Их тела почти бесшумно скользили по реке, плыли саженками, размеренно разгребая мягкую, ласкающуюся, приятную воду, в которой определялось течение. Река не прекращала своего движения и сейчас, она жила своей вечной жизнью. Когда из тумана явственно проступили прибрежные кусты, кромка пляжного песка, парни невольно задержали свое движение, остановились на месте от неожиданной картины, представшей их взору.

Двое — она и он — совершенно обнаженные, освещаемые лунным светом, обнявшись, медленно входили в воду. Они казались инопланетянами в своем ночном омовении. Остановившись на мгновение, когда вода достигала колен, юная женщина мягко выскользнула из объятий, тихо засмеялась и первая пошла дальше в реку, постепенно погружаясь, пока под водой не скрылись ее прекрасные бедра нежных, женственных очертаний, пока небольшие, округлые груди, не утратившие своей девичьей прелести, похожие на две маленькие луны, не коснулись дымящейся поверхности воды, и вскоре только две головы — мужская и женская передвигались в тумане над гладью реки, то приближаясь, то удаляясь друг от друга.

Сергей как бы со стороны увидел частицу своей прошлой жизни. Ведь было же все это в его жизни, было! — от этой мысли просветлело в мозгу, когда они молча, не сговариваясь, стараясь не шуметь, поплыли с Володией обратно, к своему острову. Все это было у него с первой женой, с которой расстались, как оказалось потом, непонятно почему. Было то настоящее, казавшееся сейчас несбыточным, невзаправ-

дашним, таким далеким, что порой находило сомнение, не приснилось ли все это? Сергей явственно понял, что было счастье, он даже ощутил ладонь потерянной женщины где-то на своей спине, ее жаждущие губы, всю ее, которая, казалось, в этот миг прижалась к нему в объятии, даже пригрезилось, что среди клочьев тумана, липнувшего к речной глади, мелькнуло знакомое до боли лицо. Потом, после развода с ней, он знал многих женщин, ходил с ними в кино, театр, отдыхал с ними, пил с ними вино, спал в их уютных постелях. Зачастую ему было хорошо, он чувствовал, как хорошо было и им, но того счастья, граничащего с безумием, как с ней, его первой женой, он не ощущал пока ни с кем. И поэтому,— он понял это явственно только сейчас, беззвучно плывя по заколдованной реке,— рано или поздно он оставлял их, и ЭТО заставило Лену отказать ему составить компанию в прогулке. Веснушчатая, добрая, сельская учительница оказалась прозорливее тех других, что встречались ему раньше.

Он плыл и плыл. Совсем близко показался пляжик на острове, ставшем им пристанищем на эту ночь. Сергей, уже отяжелевший с непривычки, греб из последних сил, борясь с глубинным течением, плыл, как плывут за мечтой, которая хочет ускользнуть, остаться несбыточной, плыл с нахлынувшей вдруг уверенностью, что все повторится, еще не зная, что пройдет некоторое время, и он захлебнется в щедрой красоте и ласке другой женщины, которая наполнит его душу ощущением такого неземного счастья, по сравнению с которым прошлое покажется незначительным эпизодом. А сейчас это грядущее счастье казалось ему островом, затерявшимся на Оке среди парного молока ночного тумана.

